

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ

АБДРАШИТОВ

АЛЕШКОВСКИЙ

АКСЕНОВ

ГОРБАЧЕВ

АХМАДУЛИНА

ИОСЕЛИАНИ

ВОЙНОВИЧ

ЕВТУШЕНКО

КОЗЛОВ

ГРИН

БУЛАТОВ

ЖУТОВСКИЙ

ГЕРРА

ЭСТЕРХАЗИ

ИВАНОВ

ИСКАНДЕР

МЕССЕРЕР

СТРУВЕ

ЛИПКИН

ХОМЯКОВ

ЧУДАКОВА

ШТЕЙНБЕРГ

СТРАДА

ФИЛИППЕНКО

ЛЮБИМОВ

КОЛОБОВ

ШНУРОВ

МОЙ ЗНАКОМЫЙ ГЕНИЙ

БЕСЕДЫ С КУЛЬТОВЫМИ
ЛИЧНОСТЯМИ НАШЕГО
ВРЕМЕНИ

Евгений Попов

**Мой знакомый гений.
Беседы с культовыми
личностями нашего времени**

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос=Рус)6

Попов Е. А.

Мой знакомый гений. Беседы с культовыми личностями нашего времени / Е. А. Попов — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-089181-8

Последние два десятилетия «запоздавший шестидесятник» Евгений Попов встречался, беседовал со многими великими людьми, почти со всеми из которых дружил и дружит, и вместе с ними подводил итоги уже окончательно завершившегося XX века. Среди его собеседников – поэты Евгений Евтушенко и Белла Ахмадулина, режиссеры Юрий Любимов и Отар Иоселиани, литературоведы Мариэтта Чудакова и Вячеслав Иванов, президент СССР Михаил Горбачев и мало кому известный сантехник Владимир Хомяков по прозвищу Хомяк – и многие-многие другие... «Это знаменитые люди, настоящие звезды, а не попса или дутые телевизионные рожи, – пишет автор. – Они – живые, хотя кто-то из них уже покинул сей вещный мир. Я люблю их». Полюбите их и вы, дорогой читатель!

УДК 821.161.1-9
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-04-089181-8

© Попов Е. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Предуведомление	5
Вадим Абдрашитов	6
Василий Аксенов	14
Юз Алешковский	20
Белла Ахмадулина	28
Эрик Булатов	35
Владимир Войнович	44
Рене Герра	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Евгений Попов

Мой знакомый гений. Беседы с культовыми личностями нашего времени

Предуведомление

Двадцать перестроечных лет со свистом пролетели над нашими головами.

Кажется, что только сейчас XX век уже окончательно закончился и пора подводить его итоги.

Это и пытались сделать видные люди России и ее окрестностей, с которыми я встречался, беседовал последние два десятилетия, почти со всеми из них дружил или дружу.

Они – знаменитые люди, настоящие звезды, а не попса или дутые телевизионные рожи. Не важно, что известность у кого-то из них – мировая (Президент СССР М. Горбачев), а у кого-то ограничена районом Беговой Северной административного округа города Москвы (слесарь-сантехник В. Хомяков по прозвищу Хомяк).

Они переживают, смеются, плачут, строят планы, мечтают, откровенничают, делают прогнозы, дурачатся, хохмят, позируют. Они – живые, хотя кто-то из них уже покинул сей вещный мир.

Я люблю их.

Полюбите и вы, дай бог!

Часть этих текстов печаталась в журналах «Огонек», «Сноб», газете «Неделя».

Клянусь, что, готовя эти беседы к печати, я почти не правил изначальных записей, только в некоторых местах снабдил прежний текст.

Как было, так оно пускай и есть. Мои собеседники открыто говорили то, что думали. И это вовсе не их вина, что жизнь невозможно повернуть назад, как некогда пела Алла Пугачева на слова Ильи Резника.

Евгений Попов

Вадим Абдрашитов
Люди мы не местные

Вадим Абдрашитов – классик современного российского кинематографа. Автор фильмов, снятых по сценариям Александра Миндадзе: «Слово для защиты», «Поворот», «Охота на лис», «Парад планет», «Армавир», «Плюмбум, или Опасная игра», «Остановился поезд», «Слуга», «Пьеса для пассажира», «Время танцора», «Магнитные бури»¹. Вадим Абдрашитов – народный артист, профессор, академик, лауреат всяких премий и обладатель множества престижных призов, никогда не теряющий хладнокровия и не подверженный гримасам Времени, когда вместо хорошего кино нынче снимают черт знает что.

Е.П.: Меня, Вадим, интересует простой вопрос: ты кто? Из каких? Как и зачем стал знаменитым кинорежиссером, каждый фильм которого – событие и повод для словесных баталий?

В.А.: Где родился? В городе Харькове, а потом жили, можно сказать, везде: Южно-Сахалинск, Владивосток, Ленинград, Камчатка, Москва (в то короткое время, когда мой отец, семипалатинский татарин по имени Юсуп Шакирович Абдрашитов, военный, учился здесь в академии), затем – Барабинские степи между Омском и Новосибирском, где отец служил и откуда мы переехали в Алма-Ату, из которой я уехал в 16 лет в Москву, где мы с тобой сегодня и беседуем.

Е.П.: Почему в 16, когда школу заканчивают в 17? Ты ведь во ВГИК приехал поступать?

В.А.: Нет, во ВГИК я поступил, когда мне было 25. В семидесятом. Я в Алма-Ате, сейчас велено писать АЛМАТЫ, закончил семь классов, затем два года учился в техникуме железнодорожного транспорта...

Е.П.: А это еще зачем?

В.А.: Неудобно говорить, но просто-напросто надоело в школе, к тому же техникум был рядом, недалеко от дома, экспериментальное отделение по новейшим специальностям, мы с товарищем поступили, но я через два года забрал документы, сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости и уехал в Москву поступать в МФТИ, знаменитый ФИЗТЕХ, который в Долгопрудном, потому что в этом самом 1961-м полетел в космос Гагарин.

Е.П.: А ты здесь при чем? И при чем МФТИ?

В.А.: Я поступил на физтех только потому, что полетел Гагарин. Если бы не было запуска Гагарина и всеобщего по этому случаю энтузиазма, сильно подогреваемого пропагандой, меня бы все-таки, наверное, сразу занесло в другую сторону, потому что я в то время уже занимался в детской студии при ТЮЗе. Куда, кстати, ходил и ныне известный мой земляк, потом мы, между прочим, с ним вместе учились и в МФТИ, знаменитый актер Александр Филиппенко. Играли настоящие спектакли. Я даже помню одну свою роль, отрицательного такого карьериста, очень плохого пионера, который прокалывался чисто этически: во время сбора урожая в колхозе высокомерно относился к товарищам, отлынивал от работы, потом исправился. Все в итоге выполнили план, и все закончилось всеобщим братанием. Пьеса была какого-то местного автора, не помню какого... Так вот, если бы не Гагарин, я не поехал бы в МФТИ, мне было интересно в театре – и закулисная жизнь, и, как бы я сейчас выразился, организация театрального пространства... Но, с другой стороны, мне легко давались технические науки, я в нашем сарае, а они были тогда во всех дворах, организовал целую лабораторию, опыты производил со сплавами, сделал даже такую, знаешь, установку для стеклодувных работ, фотографией занимался много.

¹ Печально, что «Магнитные бури» были сняты 15 лет назад и все эти годы великий Маэстро находится в простое «по не зависящим ни от кого обстоятельствам». Не слишком ли щедро, господа и товарищи, так разбрасываться отечественными мастерами?

Е.П.: Уж не вместе ли с Жириновским? Правда, что ты с Владимиром Вольфовичем жил тогда в одном дворе?

В.А.: Правда. Мои родители и сейчас живут в том же доме номер 77, а его дом был 79, у нас был общий двор, где мы играли... Это такие двухэтажные каменные дома, сначала с печным отоплением, потом с баллонным газом... Их, я думаю, стройбат в середине пятидесятых построил... Когда возникали драки, Володя дрался до упора, вообще всегда был очень импульсивный. Когда сейчас про него говорят, что он умелый актер и так далее, я с этим согласен, но в первую очередь это еще и свойство психики. Он такой всегда был, что называется, дерганый. Мы с ним одно время даже в одной школе учились, в двадцать пятой, а потом я его очень долго не видел. Я уехал, прошли годы, я ничего не знал о нем, как вдруг, у меня была премьера в каком-то кинотеатре, по-моему, «Охота на лис», значит, это, наверное, год 84-й. Он стоял, ждал меня в конце картины, в конце встречи со зрителями и говорил о том, что все никак не может устроиться работать, и все как-то не очень интересно, и все как-то не складывается, и нет ли работы по юридическим делам, то есть юрисконсультантом на «Мосфильме».

Е.П.: Что ж ты не помог бедному человеку?

В.А.: Я честно все узнал, о чем он просил, но, поскольку мы жили, как сейчас выяснилось, в не совсем правовом государстве, особо в юристах тогда страна не нуждалась. Юрист тогда обычно был бездельником, который числился при директоре и все свои шаги сверял с отделом кадров, со спецчастью...

Е.П.: Ну почему? А адвокаты? Очень уважаемыми были персонами в стране, половина жителей которой отсидела, сидела или намеревалась сесть.

В.А.: Да и адвокат имел значение только для людей, у которых были достаточно большие деньги, чтобы этих адвокатов, мягко говоря, «поощрять». Такие люди тогда были, согласись, за определенной границей быта. Где денежный счет идет на тысячи и где крутые процессы судебные, о чем мы, простые люди, либо не знали, либо читали в детективах братьев Вайнеров. Хотя наша семья была, что называется, из ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. Мама, химик по образованию, работала инженером-экономистом... Отец с братом рано лишились родителей, стали жить самостоятельно, быстрее социализируясь, чем национализируясь. Дядя Хаким ушел на партийную работу, был одно время даже в ЦК Казахстана. Отец служил в ВОСО, Войска сообщения, но много читал, огромная библиотека у нас была, я помню с детства все эти издания, «Порт-Артур», «Фрегат «Паллада»: Диккенс, Жюль Верн, Вальтер Скотт, первое издание «Библиотеки приключений...»

Е.П.:...«Таинственный остров», «Кортик»...

В.А.: Обязательно «Кортик». И другая детская советская классика – Маршак, Чуковский.

Е.П.: Значит, шестьдесят первый год. Юрий Гагарин летит в космос, Вадим Абдрашитов является в Москву.

В.А.: Теперь-то я понимаю, что мы тогда попали в замечательную эпоху: ренессанса не ренессанса... скорее, наверное, оттепели... громко особо не хочется говорить, но в каком-то смысле, я не знаю, ДУХОВНОГО ПОДЪЕМА в стране, что ли? Согласись.

Е.П.: Соглашаюсь. Я тебя на год младше, и у меня такие же ощущения.

В.А.: Понимаешь, приехать из Алма-Аты и вдруг впервые услышать с этих первых советских магнитофонов – «Чаек», «Гинтарасов» – голос и текст Окуджавы, Высоцкого, Галича. Публичные читки: Солженицын – «Один день Ивана Денисовича», «Звездный билет» Аксенова. Театр «Современник» с ночными простаиваниями в очередях за билетами, «Таганка»... Физтех люди литературы и искусства любили еще и на волне этой знаменитой дискуссии, что важнее – ФИЗИКИ или ЛИРИКИ. Устные альманахи. Любительские киностудии. Кавээны, которые тогда были совсем другого уровня, чем сейчас. К нам в институт многие приезжали – Арам Ильич Хачатурян, Михаил Ильич Ромм приезжал – беседовать, говорить, иной раз за день не успевали наобщаться, он приезжал на следующий. Он тогда как раз сделал эту зна-

менитую картину «Девять дней одного года»... Были знаменитые футболисты, хоккеисты. Я помню это. И это все, конечно, как-то нас, молодых, не только развивало, но и требовало от нас максимальной самореализации...

Е.П.: Я в Москву явился двумя годами позже, поступил в геологоразведочный и помню, как какая-то почтенная геологическая дама на первом собрании сказала нам: «Вы, ребята, будете пять лет учиться в Москве – воспользуйтесь этим. Здесь – музеи, театры, культура». То есть, грубо говоря, не жрите водку с утра до вечера, есть более интересные занятия. Это было вполне разумно. Но только время на глазах изменилось...

В.А.: И я где-то к третьему курсу понял, что ФИЗТЕХ – это было очаровательное увлечение, спасибо большое, но все-таки мне нужно что-то другое, а именно – кино. У нас ведь была кинолюбительская студия – раз, и второе – мы очень тесно были связаны со ВГИКом. Они, например, привозили к нам программы короткометражек, курсовых работ, дипломных. Мы к ним ездили на вечера. Я взял курс на ВГИК и считал, что готов там учиться. После третьего курса, в девятнадцать лет я явился во ВГИК, сказал, что хочу к ним перевестись, а если это нельзя, то я готов поступать. И мне там один умный человек из приемной комиссии сказал: «Не надо. Вам не надо. Давайте так договоримся: вы окончите институт, и если вас и тогда потянет во ВГИК – приходите. А сейчас – можете жизнь поломать. У нас люди постарше, поопытнее годами поступить не могут...» Отговорил он меня, и я ему благодарен. У меня возникла задача побыстрее окончить институт, получить диплом, три года отработать, как тогда требовалось. Я и перевелся в Менделеевский институт, МХТИ, там на год меньше нужно было учиться. К тому же мне повезло: там была очень хорошая любительская киностудия, где я стал вполне серьезно готовиться ко ВГИКу. Я снимал хронику жизни института, хорошо владел 16-миллиметровой камерой, и это мне в дальнейшем пригодилось. Ромм на первом курсе разрешил мне снимать сразу на профессиональной, 35-миллиметровой камере.

Е.П.: Ты мне как-то рассказывал, что, окончив МХТИ, мгновенно сделал большую производственную карьеру.

– Мгновенно не мгновенно, но за три года я стал начальником огромного цеха МЭЛЗа, Московского завода электроламповых приборов. Я об этом с удовольствием вспоминаю, потому что ситуация, в которую я попал, была просто уникальная. Меня силой оставляли в аспирантуре, но я сказал на распределении, что пойду на завод.

Е.П.: Повариться, так сказать, в рабочем котле...

В.А.: Да. Как бы советское рассуждение, ближе к народу, но оно было совершенно правильным. Я правильно сделал и об этом не жалею. В отделе кадров стали смотреть документы и предложили мне совсем новое, новейшее дело, связанное с производством цветных кинескопов. На мне лежала моя часть, связанная с физхимией. Скучно говоря, ПРОБЛЕМА СВЕЧЕНИЯ ЛЮМИНОФОРОВ.

Е.П.: Звучит, по крайней мере, красиво... Это засекречено было?

В.А.: Нет, наоборот. Тут влезли политические дела, а именно после всех торгов, в какой цветной системе будет работать советское телевидение, Леонид Ильич сказал: «Нам не нужны американские, фээргэшные системы, давайте реализовывать свою». Брежнев ездил по странам «народной демократии» и везде всем обещал «нашу систему», поставку наших будущих цветных кинескопов: румынам обещал, гэдээрам обещал. Технология была ужасная, и начальству оставалось надеяться или на боженьку, или на чьи-то мозги. И так получилось, просто так получилось, что других специалистов не было, мой участок расширился до размеров цеха. Экспериментального, богатого по деньгам цеха, где работали в основном молодые специалисты. Что, кстати, позволило мне не вступать в компартию, ссылаясь на то, что я, дескать, хочу с комсомолом остаться да и сам я молод, не готов еще, товарищи. Понимал прекрасно, что лучше с ними не связываться. Мы получали тогда большие деньги, сваливались деньги на нас,

заваливали нас деньгами, чтоб только сделали. И мы сделали – хорошо или плохо, сейчас уже трудно оценить. Тогда это было достаточно... выразительно. Готовились мои документы на должность главного инженера завода, который мы тогда возводили. Известный завод «Хромотрон» на «Щелковской».

Е.П.: Значит, ты во ВГИК два раза поступал?

В.А.: Я? Два? Я не помню, сколько раз я туда поступал. Чтобы время не пропадало, я делал простую вещь, я каждый год туда посылал работы, года два даже под псевдонимом, на предварительный творческий конкурс, когда еще не надо документы предъявлять. Я много писал в это время, делал сценарии, экранизировал какие-то вещи, несколько вещей неплохо было сделано, они касались чуть ли не теоретического киноведения. Например, проблема времени в кино. И каждый раз проваливался. И ничего не мог понять, как же так, я-то ведь знаю, КТО поступает, каков их уровень. Пока мне умные люди не объяснили: не надо этого ничего ВГИКу, ему нужна ТАЛАНТЛИВАЯ ГЛИНА, из которой можно лепить. Тезис Сергея Аполлинарьевича Герасимова. Но меня все это не расстраивало, потому что, даже если бы я поступил, я не смог бы закон перепрыгнуть, нужно было три года отрабатывать. Я поступал к Герасимову, Таланкину, Кулешову, принял меня Ромм в 70-м. Меня Бог, очевидно, берег и готовил к встрече с Роммом. Но я и сам к тому времени стал хитрее, заматерел в качестве начальника цеха, сознательно и резко снизил уровень представленных работ, интеллектуальный, художественный – любой. И тут же прошел конкурс! Я тайно поступил во ВГИК, хотя и отработал уже эти самые три года, характеристику с места работы мне подписал один человек, которому я просто-напросто заморочил голову. Ромм не беседовал со мною по поводу талантливой или неталантливой глины, а задал вопрос: «Какая книга осталась у вас недочитанной на столе?» Я ответил: «Бойня номер пять» Курта Воннегута». – «Вам нравится?» – «Очень нравится». – «Можете назвать два наиболее выразительных кадра из этой книги?» Я какие-то назвал, и он говорит: «Вопросов больше нет. До свидания. Вы свободны». Я вышел с ощущением, что опять плохо дело. В конце дня позвонил ответственной секретарше, а она мне: «Вы очень понравились Михаилу Ильичу, постучите по дереву...» А завод я действительно вспоминаю с нежностью и благодарностью. Во-первых, они не обозлились на меня, что я их так скоропалительно покинул, а во-вторых, поступив во ВГИК, я стал получать 28 рублей в месяц и очевидно протянул бы ноги, если бы они мне время от времени не подбрасывали сдельную работу... Мощнейшая фигура Ромм, своеобразная и поразительная. Он повлиял на меня, но не в смысле прикладной режиссуры, а человек просто рассказывал об устройстве двадцатого века и о фильме, который он снимает. Таких занятий по практической режиссуре, что такое «восьмерка», общий план, средний план просто-напросто не было. Но пробыл он с нами недолго, мы были на втором курсе, когда его не стало. Доучивались мы у Льва Александровича Кулиджанова, который проявил чудеса деликатности и не стал ничего ломать из того, что уже было в нас построено. А потом я вышел на курсовую работу «Остановите Потапова» по рассказу Гриши Горина, которой защитился, и в 74-м году оказался на «Мосфильме». Все! Во всем остальном ты как бы в курсе...

Е.П.: Вот именно, что «как бы». Я давно тебя хотел спросить, как тебе удавалось снимать ВОООБЩЕ все то, что ты выпустил на экраны? Как они тебя не потопили в самом начале? Ведь то, что вы делали с Сашей, пардон, Александром Миндадзе, это было не то что антисоветчина, а как бы даже ЕЩЕ ХУЖЕ... Я помню рецензию на «Остановился поезд» в запретной тогда парижской «Русской мысли» с эпиграфом «Наш паровоз вперед лети, в коммуне остановка»... Как ты их, короче, обманул?

В.А.: Я не могу на это ответить однозначно. Кроме вот какой вещи: появлялся сценарий Миндадзе, и у нас не было никаких иллюзий относительно того, что будет дальше. Но для нас главное было – запуститься, уехать в экспедицию и снимать картину. Нам давали поправки к сценарию, мы все поправки принимали, говорили – конечно, конечно, все сделаем, безусловно,

какие проблемы. А потом мы снимали то, что нам нужно было. Твердо договариваясь И НЕ ДУМАТЬ ДАЖЕ о последствиях. Как будет, так и будет. И еще: мы никогда не устраивали шоу из сложностей с картиной. Начальство очень не любило, когда вокруг картины начинался скандал...

Е.П.: Когда «вся Москва» говорила: «Запретили! Запретили!»

В.А.: Нам этого не надо было. Мы не играли в диссидентские игры. Мы КАК БЫ ВМЕСТЕ с начальством переживали – надо же, как получилось! Но картина УЖЕ была сделана. Практически мы не делали никаких поправок, никаких! За исключением тех мелочей, на которые можно было пойти. Единственный был случай с финалом «Охоты на лис», когда меня приказом по «Мосфильму» даже отстранили от картины, когда ни-че-го нельзя было сделать! Кроме того, я же не был похож на диссидента. Я – человек, который пришел с завода.

Е.П.: Еще одно «спасибо» заводу! Я говорю это без иронии, думая, что ты к тому времени вдобавок полностью овладел их терминологией, хотя и потерял право каждого советского трудящегося на декламацию известных нецензурных стихов «Шумит, как улей, родной завод». Ты не приходил, как гений в бархатных штанах, который вызывает раздражение у советского человека, а честно, глядя в упомянутые глаза, говорил на понятном им языке: «Люди мы не местные...»

В.А.:...сами сильно переживаем, товарищи! Давайте ВМЕСТЕ искать выход. Но этого нельзя, знаете ли, сократить, здесь нельзя вырезать, потому что там-то рассыплется все, а если там рассыплется, тогда фильм окончательно станет беспросветным. Есть закон: начальство нельзя баловать. Начальство должно знать – с этим лучше не связываться, упрямый, все равно от него ничего не добьешься. Пусть не любят, но уважают. Начальство же всегда к нашему брату, кинематографистам, да и к вашему, писателям, относилось так: кого-то любило, но не уважало. Кого-то уважало, но не любило. У них в этом смысле своя драматическая коллизия была... И все-таки в каждом случае появлялись еще какие-то «моменты». Вокруг картины «Остановился поезд» началось т-а-кое, что мы поняли: на этот раз уж точно не проскочим. Но случилось так, что, пока мурыжили картину, Леонид Ильич как-то уже сваял совсем, и появился в перспективе такой запашок раннего Андропова с его грядущим закручиванием гаек. А Олег Иванович Борисов появился на экране в роли следователя Ермакова, как бы эти гайки УЖЕ закручивающего. А метафизика проблемы как таковой – противостояние личности и толпы, вообще невозможность дальше ЖИТЬ в тех условиях – все это прошло мимо них. Картина снималась в 81-м году, в 82-м была закончена, и в том же году, осенью, умер Брежнев. Картина пошла на экраны и сильно поражала людей, которые не понимали, как советская власть все это РАЗРЕШИЛА. А с «Парадом планет» ситуация была еще красивее: не могли они четко сформулировать, почему следует запретить картину. Ведь все персонажи были как бы ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ: не пьют, не ругаются, исполняют свой гражданский долг в качестве офицеров запаса. ОНИ нутром чуяли: что-то там в картине совершенно другое, а что – терялись в догадках.

Тогда начальство решило устроить разнос руками коллег, и некоторые из них охотно на это пошли со словами:

Е.П.: «...Я тебе, Вадим, прямо скажу, я тебе добра желаю, ты знаешь, как я к тебе всегда относился, старичок...»

В.А.: Именно так, ты почти точно процитировал, как будто там присутствовал. Налет АНТИСОВЕТСКОСТИ как бы снимался, и речь шла как бы просто об огромной ТВОРЧЕСКОЙ неудаче хороших, молодых художников Абдрашитова и Миндадзе. Но и это не получилось в конце концов. У меня, кстати, остались стенограммы обсуждения, я их практически ВЫКРАЛ через одну девушку неизвестно для чего. У меня их во время перестройки просили, чтобы опубликовать, но я не дал. Мало ли что бывает с почтенными людьми. И вообще, дело надо делать, а не счета сводить. Мужественно, толково и четко вели себя только Сергей Бон-

дарчук и Марлен Хуциев. Но были, старик, ох какие люди, которые с пеной у рта доказывали, что фильм – дерьмо, а начальники правы АБСОЛЮТНО. Мы в ответ сказали: «Спасибо вам! Большое ОГРОМНОЕ спасибо за заботу. Мы подумаем». Фильм вышел, а мы думаем до сих пор.

Е.П.: Ладно, давай теперь о нынешних делах поговорим, а то кто-нибудь обвинит меня, не дай бог, что я снова завел свои, перефразируя название новогоднего телевизионного шлягера, «главные песни о старом». Как ты перемахнул перестроечный мост? И что за страсти разгорелись уже сейчас, в 1997 году, вокруг твоего нового фильма с характерным названием «ВРЕМЯ ТАНЦОРА»? Я, например, с изумлением прочитал в статье уважаемого критика Л.А. нечто в том роде, что вы с Миндадзе холодно и злорадно созерцаете наши, в широком смысле говоря, «русские пляски». На мой взгляд, это просто раздраженная, недоброжелательная и растерянная чепуха, тем более для меня удивительная, что автор статьи при мне лобызал тебя после премьеры и поздравлял с успехом. А в статье вдруг как бы то же самое, о чем мы с тобой выше толковали: «Я ТЕБЕ, ВАДИМ, ПРЯМО СКАЖУ...» Другие вообще пишут про вас черт знает что с той мистической злобой, с каковой булгаковская кондукторша не пускала в трамвай кота Бегемота. Помнишь из «Мастера и Маргариты»: «Котам нельзя! С котами нельзя! Брысь, а то милицию позову!»? К счастью, есть и другие зрители. Виктор Петрович Астафьев, выходя с просмотра, который ты устроил для сибиряков в Музее кино, признался мне, что во время фильма даже всплакнул пару раз...

В.А.: Он и в телевизионной передаче сказал обо мне такие слова, что мне их неудобно повторять. В последнем «Знамени» появилась статья твоей жены Светланы Васильевой. А что касается уважаемого Л.А. – да, фильм-то ведь вообще не о том, кто есть кто. Это, я уже неоднократно говорил, НАРОДНАЯ ДРАМА. Рассказ о закончившейся войне – не важно, где она была: в Чечне, Абхазии или еще где, о той войне, в которой нет и не может быть победителей. И о том кровавом балагане, который все это сопровождает, о нашем времени ряженных. Посмотри вокруг: один дворянина из себя корчит, другой – радетеля народного, третий, не имея на это никакого права, повесил себе на грудь старые русские ордена. И о том, что Дом разрушен, не СССР, а Дом с большой буквы, который был в душе у каждого нормального российского человека вне зависимости от его национальной или этнической принадлежности. И о том, как Дом этот люди судорожно пытаются восстановить и как плохо это у них пока получается. Мне мало что нравится из современной кинопродукции, которая в большинстве своем неталантлива, дегуманизирована самым примитивным образом, что, конечно же, связано с общим состоянием и кино, и общества. Нравы упростились донельзя. Изящные манеры блистают своим отсутствием. Заумь агрессивна и нарочита. Но тем не менее я все равно считаю, что, между нами говоря, кино должно сниматься, сниматься и сниматься. Технология не должна останавливаться. Не может быть, чтобы упадок кино, читай – всей культуры, а еще шире – всей нашей жизни, все время продолжался. Я все-таки наивно как-то представляю, что рано или поздно все у нас наверх пойдет. Упадок не может быть вечным. И гуманизм как таковой вернется. А что касается, как ты выразился, «перестроечного моста», у меня и соответственно у Миндадзе не было такого ощущения, что вот, ага, сейчас перестройка, вот сейчас-то мы и развернемся! Мы как работали, так и продолжаем работать. И это не вопрос воли, стойкости или еще чего. Мне неудобно так говорить, но я тогда снимал картины, которые хотел снимать, и сейчас делаю то же самое. Вне зависимости от критики и некоторых моих раздраженных коллег. Я-то спокоен. Я совершенно спокоен. Я всегда спокоен. Если не веришь, спроси об этом мою жену Нателлу. Все, как ты выразился, «баталии» годами происходят на ее глазах.

Е.П.: О чем бы ты еще хотел сказать своим зрителям?

В.А.: Не о чем, а о ком. Об Александре Миндадзе. Счастье, что мы познакомились и подружились более двадцати лет назад. Я высоко ценю, уважаю, его мастерство, его ум, точность, изобретательность и, самое главное, его абсолютный, чистейшей воды гуманизм в единственном и подлинном смысле этого слова, тот гуманизм, который всегда питал русскую культуру. Ты заметь, ведь у нас, в десяти наших картинах, нет ни одного, что называется, «отрицательного персонажа»...

Е.П.: Ну да! А «мокрушник» Нос, а проститутка из «Поезда...», а коммунака-хозяин из «Слуги», которого гениально играет Олег Борисов? А мясник из «Парада планет»? А... А впрочем, может, ты и прав: несчастные, счастливые, богатые, бедные... всех жалко.

1997

Василий Аксенов
Отцы, по домам, или Звездный билет, но куда?

Кумир многих поколений российских читателей Василий Аксенов был свезен коммунистами в дом для детей «врагов народа» 20 августа 1937 года, ровно в тот день, когда ему исполнилось пять лет. Он утверждает, что навсегда запомнил не только ту чекистку в кожаном реглане, которая тащила его в черную «эмку», но и свою простоволосую русскую няньку, которая по-звериному завывала с крыльца, провожая любимое «дítě». Всклипывая, он впервые заснул на казенной кровати, прижав к мокрой щеке любимую игрушку, тряпичного львенка. Утром игрушка исчезла, начались «этапы большого пути»: нищета и богатство, слава и хула, изгнание и возвращение (во всех смыслах всех этих слов, включая метафизический). «Добрый вечер, господи!» – обращался он по волнам «Голоса Америки» к землякам, ошалевшим от «развитого социализма», задолго до того времени, когда перестроечные «товарищи», с коммунистической прямоотой приватизировавшие все, что плохо или хорошо лежало, стояло, летало и плавало в бывшей «империи зла», пустили это некогда белогвардейское слово в казенный оборот.

Смирено жить ради правого дела

Дж. Д. Сэлинджер. Над пропастью во ржи

Открытая веранда на Чистых прудах в окрестностях бывшего индийского ресторана «Дели» привлекла внимание ЕВГЕНИЯ ПОПОВА и его старшего коллеги ВАСИЛИЯ АКСЕНОВА возможностью беседовать хоть и на людях, но в тишине, изучая жизнь, как это и положено писателям. Однако не успели они сесть, как тут же из динамиков, скрытых в чаще искусственных, но очень зеленых кустов, вдруг грянула легкая, но противная музыка.

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ (борясь со стихией, пытаясь перекричать ее): **Это... мы вот... сейчас быстренько обсудим несколько простых вопросов... Тебя читатели очень любят, несколько поколений читателей. Читателей советских, антисоветских, просто читателей...**

ВАСИЛИЙ АКСЕНОВ: Что-то слишком громко завывали эти бесы, может, пойдем отсюда?

Музыка как по мановению волшебной палочки стихает. А еще говорят, что народ теперь не уважает писателей. Очень он их даже уважает, особенно если они сделали заказ и явно собираются заплатить за это деньги.

Е.П.: ...например, ловишь ли ты своим ухом, большую часть года находящимся вне пределов родины и не погруженным в ежедневную героинку наших новых буден, трансформацию русского языка по ту и по эту сторону океана?

В.А.: Эмигранты отстают от языка, и в обыденной речи за рубежом появляются всевозможные искажения. Пошли поланчуем... Возьмешь двадцать седьмой экзит, повернешь на втором лайте, то бишь светофоре. С другой стороны, когда я оказываюсь здесь, мое упомянутое тобой ухо замечает то, что для обычного московского люда стало обыденным...

Е.П. (кривляется): **Чаво? Мы не знаем русского языка?! Мы русского языка очень даже хорошо знаем!**

В.А.:...Когда говорят, например: «В наводнении погибло много человек» вместо «людей». Или это злое «как бы»... Мы с тобой сейчас как бы сидим типа ужинаем...

Е.П.: Я с детства помню из советской пропаганды – **мошенник типа Лю Шаоцы...**

В.А.: Русское слово «типа» для китайца звучит крайне неприлично. В начале 50-х мои сокурсники-китайцы в питерском мединституте тихо хрюкали от хохота, услышав от лектора по научному коммунизму: «Социализм – это общество нового типа». Потому что «типа» по-китайски будет... (*произносит всем известное слово из трех русских букв*).

Е.П. *(пораженный новым знанием): Лю Шаоцы —...? (повторяет всем известное слово из трех русских букв).*

В.А.: Плюс – чудовищное употребление предлога «о». Это «О» катится по русскому языку, как колесо джаггернаута, и разрушает наш великий-могучий-правдивый-свободный больше, чем все американизмы вместе взятые. «Он представил нам список о недостатках». А еще «в». «Ему указали в том, что»... Ты прислушайся, что плетут по телевизору даже люди интеллигентного сословия...

Е.П.: Сам я романтик, товарищи, люблю Антуана де Сент-Экзюпери, а по жизни работаю говночистом.

В.А.: Это у нас с тобой, конечно, отчасти пуристское требование к языку. Я погрешности улавливаю, пока сам не начинаю говорить, как все.

Е.П.: Как все ЗДЕСЬ или ТАМ?

В.А.: И здесь, и там. Мой сын Алексей как-то мне сказал: «Когда ты приезжаешь, то примерно неделю говоришь с ненашей интонацией. Тебя по интонации можно вычислить, что ты не совсем свой». Правда, я сейчас здесь очень часто бываю, а когда приезжал редко, тоже замечал: что-нибудь произнесешь, и твой собеседник мгновенно поднимает глаза и как-то по-особенному тебя оглядывает, кто, мол, такой? Уж не эстонец ли? Все это тонкие вещи. Вот есть расхожее мнение, что старая аристократия в эмиграции является хранительницей чистоты русского языка...

Е.П.: А разве это не так?

В.А.: Смешно, но даже в речь американского русского истеблишмента иногда пробирается акцент с Брайтон-Бич... Вернее, не акцент, а интонация... Ну и даже Набоков не знал, что в русском языке начала шестидесятых уже было слово «джинсы», отчего героиня его «Лолиты» носит синие «техасские панталоны»... Наши вашингтонские князья – Оболенский, Гагарин, Чавчавадзе Давид, граф Владимир Толстой – изумительные люди, но с самыми разными лексическими странностями. Их жены, например, любят друг к другу обращаться «душка»... Или кто-то произносит тост со словами «из самого дна моего сердца», что является калькой английского from the bottom of my heart.

Е.П.: Все смешалось в доме Облонских и Обломовых... После революции 17-го года и эволюции 91-го: ПЯТИЛЕТКА, КОЛХОЗ, ГУЛАГ, ОТСТОЙ, КОЗЕЛ, ЗАБОЙ, ЗАБЕЙ, ПЕРЕСТРОЙКА, ТИП-ТОП, УРА, ВПЕРЕД, ЧУВАК.

В.А.: А я помню, как прокололся в Союзе писателей наш оргсекретарь Ильин Виктор Николаевич, гэбэшный генерал, который ругал-ругал диссидентов с трибуны собрания и вдруг ляпнул: «А теперь, товарищи, в подробном изложении». Зал пришел в восторг, потому что это была фраза из передач «Голоса Америки», а «Голос Америки» и «Свободу» тогда слушали все, кому не лень, хотя это строжайше запрещалось.

Е.П.: Ты ведь ввел в современную печатную русскую литературу не только «бочкотару», «звездный билет» или «остров Крым», но и еще кое-какие... ну, скажем, специфические слова, например в роман «Ожог»... Последние годы, я заметил, ты стал прибегать к звукоподражанию...

В.А. *(поняв, куда клонит деликатный младший товарищ):* Да, ведь здесь не буква важна, а интонация. Всем понятно, это с нашей-то историей, особенно советского периода, когда двумя главными лингвообразующими элементами были армия и тюрьма, что «гребена плать», «напереули по гудям» – синонимы известных матерных русских выражений. А насчет ТОГО мата? Его полный запрет – это кастрация русской литературы, хотя меня сейчас гораздо больше интересует язык, созданный новым поколением, поколением людей дела, а не слова. Мне кажется, эти новые русские при всей анекдотичности их поведения колоссально изменили облик россиянина во всем мире. До этого наш человек был несчастный, задроченный, совсем униженный, естественно, без денег. Или – страшный кагэбэшник, убийца. И вдруг появляются

какие-то парни, может быть, вчерашние пэтэушники, вчерашние бедные скоты социализма. Отвязанные, в отличных костюмах. Тратят деньги, ведут себя независимо. Красивые девчонки с ними приезжают. Такие ребята повсюду на Западе, и это не такой уж маленький процент россиян, как ни странно.

Е.П.: А я тут сцепился с одним хорошим, но ученым человеком, который утверждал, что всего лишь два процента нынешних русских (или – российских, как кому больше нравится) живут хорошо, а остальные – за чертой бедности.

В.А.: Неправда. Я как-то в Барселоне просидел несколько часов в аэропорту. Так за это время прибыли четыре или пять чартерных рейсов из России. Иркутск – Барселона, Омск – Барселона и так далее, откуда выходили обыкновенные люди, отнюдь не богачи. В Лиссабоне русских тоже полно. Бродят по улицам, прицениваются к ресторанам. В Биарицце на гостиницах и курортах реют флаги Франции, Британии, Европейского сообщества и непременно – Российской Федерации...

Е.П.: Давай вернемся к теме запретов. Мне раньше шили при коммунистах, что я пишу «только о пьянстве и половых извращениях», а тут я был на публичном выступлении одного молодого, но лысого писателя, который читал рассказ о том, как гоголевский нос превратился в сам знаешь что, типа – «типа». Смотрю, в зале прогрессивные литстарушки сидят, краснеют, потеют, но крепятся, чтоб «либеральная жандармерия» не записала их в ретрограды. Я встал да и ушел, потому что я латентный анархист и мне на любую жандармерию плевать. К тому же эпатировать, когда все и так в раздрызге, – масла масленнее.

В.А.: Власть не должна в литературу вмешиваться, это не ее дело. Но общество, общественная, неправительственная организация имеет право на отвращение. Хотя и тут один шаг до зловещего ханжества... Можно было обойтись без таких идиотских, по-настоящему идиотских акций, как нашумевший обмен безнравственных книг на нравственные... Или обвинения в порнухе...²

Е.П.: Не говоря уже о том, что это замечательная бесплатная реклама. Или, может, все они в доле находятся и просто дурят бедного потребителя? Говорят, что возвращенные книги издатель теперь продает втридорога с автографом сочинителя.

В.А.: С моей точки зрения, сожжение книг и то было бы более естественным. И я повторяю, что все это крайне глупо, хотя мне эти скандальные книжки, из-за которых разгорелся сыр-бор, тоже не нравятся: мертвечина и малоизобретательная графомания...

Е.П.: А другие запреты? Как ты относишься к тому, что россияне хотят иметь оружие, чтобы обороняться от бандитов и шпаны?

В.А.: Я категорически против. Знаю на опыте Америки, к чему это приводит. Штаты занимают первое место в мире по убийствам. Там, где русские или другие мужики обошлись бы простым мордобоем, американцы вытаскивают «пушки». Если бы во время недавнего футбольного погрома на Манежной у кого-то было бы оружие, то убитых оказалось бы не двое, а двести. Оружие в первую очередь попадает к шпане.

Е.П.: А у нас измученные граждане рассуждают так: «Дай мне оружие, ко мне полезет бандит, я его убью. У бандита ведь все равно есть оружие, а у меня его все равно нету».

В.А.: Та же аргументация и в Штатах. Кстати, сенаторы и конгрессмены, которые готовы проголосовать против оружия, этого не делают, боятся, что их не переизберут.

Е.П.: А как ты относишься к смертной казни?

² Много за эти годы и чего другого было идиотского, но не будем о грустном, когда и так иной раз невесело, особенно когда вспомнишь, что моего старшего друга, товарища и брата Василия Аксенова уж восемь с лишним лет нет с нами на Земле.

В.А.: Это – сложный вопрос, и у меня нет четкого мнения. Думаю, что смертную казнь нужно оставить для самых исключительных и бесспорных случаев, существенно сузив возможности судебных органов для вынесения такого крайнего решения. Скорее всего, такие решения должен брать на себя президент. Смертную казнь должен назначать только он, и больше никто в стране. Он должен взять на себя и эту ношу. Потому что есть все же такие чудовищные преступники, от которых общество должно избавляться. *(Пауза.)* Навсегда.

Е.П.: Ладно, не будем о мрачном. Давай лучше поговорим о патриотизме.

В.А.: По-моему, где-то в недрах вызревает какой-то ужасно говенный патриотизм и вновь возникает такое великодержавное сумеречное сознание... Нарастают антиамериканские, вообще антизападные настроения...

Е.П. *(горячо)*: Все, о чем ты говоришь, непременно есть. Однако, на мой взгляд, вырабатывается не анти-, а позитивная модель мироощущения. Идеалом является скорее не Запад, а Россия в период с 1905 по 1914-й, когда здесь все поперло как на дрожжах – и экономика, и культура, и мысль... *(Сникая.)* Все, в том числе и революция во главе с лысым Лениным...

В.А.: Церковь еще...

Е.П. *(встрепенувшись)*: Что церковь?

В.А.: Поддерживает такое сознание... Я смотрю по воскресеньям канал «Московия», и там сидят иерархи, писатели, иногда даже какие-то ученые, и все они высказывают совершенно мракобесные идеи. Видимо, это отражение какой-то постоянной шизофренической каши в обществе. Какой-нибудь крупный священнослужитель может начать говорить об избиении церкви при большевиках, а закончить тем, что в течение семидесяти лет советской власти весь наш народ был одухотворен Великой Идеей. О том, что иерархи сотрудничали с безбожной властью – никто опять не промолвит и слова, зато интеллигент – опять теперь чуть ли не ругательство... И вообще – Государственная дума с ее трехцветным российским флагом заседает под гигантским государственным гербом несуществующего Советского Союза. Гимн, опять же, на слова вечного «гимнюка» Михалкова... Странно, что это считается проявлением какой-то там сбалансированности, доброй воли, стремлением к стабильности, миру в обществе, хотя это самая натуральная шизофрения. От греческого «схизо» – расщепляю.

Е.П.: Ты вот, как дипломированный врач, выпускник Ленинградского мединститута, считаешь, что шизофрения излечима?

В.А.: Пока нет.

Е.П.: А как «гуру Вася» считаешь?

В.А.: Возможно! Путин поначалу пошел у коммуняк на поводу, но, очевидно, поездив по миру, пообщался с лидерами мирового сообщества и теперь более реально представляет себе ситуацию. Особенно на фоне всемирного терроризма и экстремизма. На самом-то деле идет противостояние Средних веков и Ренессанса. И речь здесь не только о России, но и обо всем мире, который становится все более странным, если не сказать хуже, все простое становится сложным, и «быстренько ответить», как ты сказал в начале нашей беседы, не удастся ни на один простой вопрос. Для чего, скажи, возник человек? Для чего существует?

Е.П.: Лучше ты скажи, я ведь глупый, молодой. Нынче уж 2002 год. Тебе 20 августа, дай бог, 70 исполнится, а мне пока всего 56.

В.А.: Единственная цель человеческого существования – преодоление первородного греха. Что такое первородный грех? Биология, ненасытная биология. Что-то сожрать!

Е.П.: Молодежь скажет: «Ах вы, суки! Сами попили на своем веку, пожрали, нагулялись, потрахались, а нам теперь рекомендуете биологию преодолевать?»

В.А.: Молодежь – это все человечество. Человечеству всего шесть тысяч лет. А что такое шесть тысяч лет для истории, где счет идет на миллионы и миллиарды? Мы все никак не можем понять, куда идем. Куда мы идем?

Е.П.: А куда?

В.А.: К Апокалипсису. Как и говорит Священное Писание...

Е.П. ежится.

В.А.: Ты что, замерз?

Е.П.: Нет, представил, что если сейчас в этом кабаке Ангел с мечом все крушить начнет, то уже никакой ОМОН не поможет. И правительство – тоже. Хотя если смерть – мгновенный переход в другое состояние, то ведь и Апокалипсис мгновенен...

В.А.: Слабым человеческим умишком нам трудно представить иную жизнь, кроме данной нам в ощущениях. Коммунисты о чем-то догадывались, когда толковали о новом человеке. Правда, сами, вопреки своему учению, мгновенно освинели и стали жировать среди нищеты. Но они были шагом на Пути, без них человечеству нельзя было сделать следующий шаг.

Е.П.: Шаг, но куда?

Однако гуру Вася не успел ответить даже на этот простой вопрос, потому что из динамиков, скрытых в чаще искусственных, но очень зеленых кущ вдруг вновь грянула легкая, но противная музыка.

Е.П. (пытаясь перекрыть музыку): Это нам знак! Дескать, попили, погуляли, а теперь платите и – **ОТЦЫ, ПО ДОМАМ!** Эту гениальную фразу нам однажды сказали юные милиционеры, окружившие нас, то есть меня, поэтов Генриха Сапгира, Игоря Холина и писателя Александра Кабакова, когда мы после совместного выступления в Доме кино решили распить из горлышка бутылку водки на морозце ночью, около Белорусского вокзала...

В.А.: Литература – это ностальгия, и жизнь – это ностальгия по тому, утраченному раю, утраченному миру. Если еще имеется у нас возможность читать священные книги, нужно прочесть их сейчас иначе, не так, как мы читали раньше, попытаться по-новому понять скрытую в них непостижимую метафору. Эти попытки должны постоянно продолжаться, в них заключается секрет жизни и секрет творчества. Ведь нельзя же сказать, что человечество будет всегда. Вот с астероидами в ближайший миллион лет что-то там будет происходить, это уже предсказано. Но мы не знаем, что будет с человечеством, уцелеет ли оно вообще. Вполне вероятно, что оно проживет миллион лет и один день, а может, десять миллионов и один день... Путь человечества – аллегорический путь того самого Адама, или, наоборот, Адам – это и есть путь, исчисляющийся огромным числом лет. И нет никакого противоречия между теорией эволюции и идеей творения. В каком-то смысле можно представить, что Адам когда-то был динозавром, то есть прошел эту фазу и тем самым как бы наметил весь смысл своего существования как самоусовершенствование на пути возврата к идеалу, то есть выходу из времени. Ибо время – это и есть изгнание. И не идем ли мы из материального мира, через биологию, в которой ДНК, макромолекула, обеспечивающая хранение, передачу из поколения в поколение генетической программы развития и функционирования, является формулой изгнания из рая, – обратно, в нематериальный мир? Так сказать, в райские кущи... Так или иначе, пусть все движется своим чередом. Платим и уходим, Женя.

2002

Юз Алешковский

Амбивалентная страна

Вот веселая же все-таки у нас страна, амбивалентная, честное слово! Сначала царская, потом советская, постсоветская, постпостсоветская, ныне уж, кажется, окончательно потерявшая ясные идеологические очертания Россия. Правят нами вроде чекисты, они же – олигархи, на торжественных сборищах серьезным служилым людям велено петь советский гимн, косметически отремонтированный Михалковым-старшим Сергеем Владимировичем перед его непосредственным перемещением из земного в иной мир... И в это же время в московском «Президент-отеле» другие серьезные люди вручают «Русскую премию» – 2011, которая входит в пятерку самых престижных российских литературных наград, Юзу Алешковскому, зоологическому антисоветчику, зэку и эмигранту, живущему в самом центре «мировой закулисы», в стране со зловещим названием США. И за что вручают? За «Маленький тюремный роман», где палачи из НКВД глумятся над «трясущим бородашкой» биологом-генетиком, издеваются над этим «укропом помидорычем» не хуже, а лучше, чем их преемники-коллеги из нынешнего МВД, вознававшие в задницу казанскому мужику пустую бутылку из-под шампанского, что не помешало начальникам страны наградить главного министра этого ведомства орденом «За заслуги перед Отечеством», второй, правда, степени. Но не будем о грустном!

Назвать легендарного Юза человеком уникальной судьбы было бы с моей стороны сильным преувеличением, за которое суровый Юз, с которым мы дружим вот уже более тридцати лет, имел бы полное право обложить меня столь имманентным ему виртуозным матом.

Судьба самая обычная, биография – рядового советского человека. Родился (1929) в Красноярске (горжусь, что мы с ним «парни из одного города!»), возрос в районе московского Нескучного сада, чуть было не угодив «на малолетку» в тюрьму, куда он все-таки попал в 1950 году, преобразившись из городской шпаны, умевшей играть на аккордеоне, в защитника родины, матроса-краснофлотца и угнав по пьяни у секретаря райкома Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков) в городе Совгавань знаменитую чекистскую «эмку», автомобиль «ГАЗ М-1», очень красивый, чья конструкция была списана советскими автомобильными учениками с соответствующей модели «Форда», выпускавшегося в упомянутой стране США. «М», если кто не знает, – это соратник Сталина Молотов В. М., имевший среди своих прозвище Каменная жопа и тоже, как Сталин И. В., ставший одним из видных персонажей сочинений Ю. Алешковского.

Ну, сидел да и сидел. Кто у нас в стране не сидел? Землекопом работал, шоферил десять лет на аварийке Мосводопровода, стал знаменитым советским детским писателем, в 1979-м навсегда расстался с родиной «Пушкина, родиной Ленина, родиной наших детей», как определял тогда СССР коллега Юза по Союзу писателей Евг. Евтушенко, впоследствии тоже оказавшийся в Америке.

Говорю же, что обыкновенная биография.

За малым исключением, ибо слова и музыка песни «Товарищ Сталин, вы большой ученый», которую знает или по крайней мере раньше знал КАЖДЫЙ житель Страны Советов, есть следствие существования на Земле вот уже более восьмидесяти лет Юза Алешковского, дай ему бог и дальше здоровья, успехов в работе, счастья в личной жизни.

Спойте, друзья! Ведь эта песня, к сожалению, будет в России актуальна всегда, ибо фамилия Сталин, как выяснилось, вполне взаимозаменяема. Петь бодро, легко, подвижно, с любовью, четко произнося слова, отрабатывая плавное и отрывистое звучание, весело, хотя и с легкой грустинкой:

*Товарищ (вставить соответствующую фамилию очередного начальника страны. – Е.П.), вы большой ученый —
в языкознание знаете вы толк,
а я простой советский заключенный,*

и мне товарищ – серый брянский волк.

Так вот, лично меня ужасно интересовало, как такой обычный, но гениальный человек, про которого Иосиф Бродский сказал, что он «слышит русский язык как Моцарт», оценивает этот самый XX век, в котором прошла если не лучшая, то по крайней мере весомая часть его бурной жизни и где самым главным событием была все-таки наша так называемая Октябрьская революция.

– А по-моему, очень поверхностны да и крайне нелепы рассуждения некоторых тенденциозно настроенных политиков, ученых и массы фанатов советской утопии о катастрофическом для России Октябрьском перевороте как о наиглавнейшем событии канувшего в Лету, но не переставшего жить в сердцах наших и в умах, величественного, вместе с тем трагического, если забыть о его чудовищной уродливости, предыдущего века.

Не нужно забывать, что это был век всемирных боен, различных – то к лучшему, то к худшему – социально-экономических переворотов, совершенно ужасающих геноцидов, терроров, идеологий и злодеяний, дьявольски хитро прикинувшихся светлосно добрыми идеями, всплеск озверения, стартовавшей дегенерации искусств – словом, прямых предательств Божественной идеи Преображения, безусловно, являющейся основной содержательной целью истории человечества.

Буквально все разрушительные – никогда не созидательные! – «землетрясения» ушедшего (не думаю, что на покой) XX века, даже если их эпицентры находились не на Балканах, не в России, не в безумно воинственной Германии, не в несчастной Европе, не в Индии, не в Китае, не в Японии, – так или иначе сейсмически были связаны друг с другом.

Естественно, толчки «Великого Октября», так же как индустриальные новации США, продолжают колебать почвы общественного бытия нынешнего человечества, определять во всех концах беспокойной нашей планеты идеологические установки политиков и так далее.

Я уж не говорю о массе иных последствий, ставящих, как говорится, на повестку этого века проблему несовершенства жизнеустроительных программ homo sapiens, неразумно, точнее, самоубийственно уничтожающего биосферу прекраснейшего из всех известных нам Творений.

Собственно, отказываясь от выбора «основного» события двадцатого века, я хочу сказать, что подобный выбор исподтишка утверждает хитрожоппо взятый на вооружение политическими авантюристами ленинизма-сталинизма и их философствующими шестерками – принцип пресловутой исторической необходимости, явно призванный оправдать все кровавые преступления утопистов и фашистов против своих и не своих народов.

Впрочем, век живи, век учишь. Я уж и сам давно не мальчик, обо всем на свете имею свое выстраданное мнение, и все же интересно мне было, кого мой мудрый старший товарищ, ныне проживающий в штате Коннектикут по адресу: Filley rd Haddam CT 06438 USA, считает главной гнидой и мерзавцем канувшего века. Ленина, Сталина, Троцкого, Гитлера или другого начальствующего козла? И как все же решить вечный спор арийцев между собой: кто был гнуснее – большевики или фашисты? И кто же, по его мнению, самая светлая историческая личность XX века, идеальная личность, если таковая вообще была.

И так отвечал мне (всем нам) Юз Алешковский:

– Ты, Женя, почему-то не включил в свое «обвинительное заключение» – в тюряге его называли объедалой – Муссолини, Мао, Пол Пота и других вождей «широких масс трудящихся».

– Да потому, что они указанным выше демиургам в подметки не годятся, – огрызался я. – Муссолини даже своих евреев не зачморил, а болтунов и анекдотчиков не на архипелаг ГУЛАГ гнал по статьям 58, 190-прим или 70, а кормил их касторкой, чтоб они в буквальном смысле этого слова обосрались, как в фильме Феллини «Амаркорд». Тов. Мао называл себя монахом под дырявым зонтиком и плавал в Янцзы, про Пол Пота можно сказать словами советской блатной песни «Недолго музыка играла, недолго фрайер танцевал». Кто там еще? Людоед-коммунист Бокасса? Или из другого, братского коммунистам фашистского лагеря – венгерский нацист Ференц Салаши, последний союзник Гитлера, повешенный в 1946 году?

– Вообще-то лично я предпочел бы говорить не о них, не о вождях, подошедших, иногда валяющихся в усыпальницах – своеобразных вокзальных зальчиках ожидания Страшного суда, – а о толпах их неразумных поклонников, даже сегодня представляющих всем своим видом, всей логикой своих речуг нелепейшую из возможных, абсолютно сюрреальную, но, к сожалению, вполне реалистическую в России картину: по улицам городов – в отличие от улиц германских, итальянских, испанских и пном-пеньских – шествуют с красными в руках знаменами, с портретами бывших отцов безжалостного террора, официально так и не осужденных за свои преступления, шествуют колонны молодых и пожилых поклонников палачей собственных великих народов, их самобытных культур, религий и эволюционно улучшавшихся условий существования.

Это удручающе печальное зрелище. Впрочем, я убежден, что летописцы и политики будущего – коли оно светит гомо сапиенс – полностью расставят все зловещие фигуры российской истории по надлежащим местам, а более разумные потомки нынешних фанатов советскости и большевизма будут вспоминать о далекой эпохе «борьбы и побед», как вспоминают о культурной революции китайцы, немцы же – о постыдной влюбленности своих предков в бесноватый гитлеризм.

Строгий, да... Строгий Юз. «Нервный, прямой, безапелляционный, как посредине операции» – так, помнится, писал об одном вожде Андрей Андреевич Вознесенский, его и мой коллега по Союзу писателей СССР и подельник по идейно-ущербному альманаху «Метрополь». Да... было когда-то «дело Метрополя», после чего меня выперли из Союза писателей, а Юз покинул горячо любимую им родину, которая, глядишь, и далее бы его «щедро кормила БЕРЕЗОВОЙ КАШЕЙ», если чуть-чуть перефразировать слова той лирической песни, что, по конфиденциальным данным, нравится нашему новому старому президенту В. В. Путину не меньше, чем песня «С чего начинается Родина», которую он с таким блеском неоднократно исполнял, аккомпанируя себе на рояле.

Тут к месту, пользуясь случаем и преимуществом своего возраста, я бы заметил про нынешних молодых (относительно меня) начальников страны, что и они пока не тянут по сравнению с Лениным, Сталиным, Троцким и К°. Какой-то постмодернистский стиль управления страной они взяли, нарезая нынешнюю реальность из эклектического материала различных эпох и времен, начиная со Средневековья и заканчивая свободой студенческих демонстраций 1968 года. Как-то бы намекнули, что ли, чем все у нас кончится, чем сердце успокоится. То ли, бог даст, как-нибудь и дальше у нас все все-таки обойдется и мы однажды станем все друг другу братья и сестры, то ли пора уже валить в сторону Юза, «чтобы не было стыдно за бесцельно прожитые годы», имея шанс потом-потом тоже приехать «на недельку до второго» из города типа Haddam CT USA, чтобы тоже какую-нибудь премию отхватить в каком-нибудь грядущем Президент-отеле...

– Юз, давай говорить серьезно и по-мужски. Кто лично и конкретно в твоей жизни сыграл самую гнусную роль кроме всей советской власти в совокупности всех мерзостей блуда ея?

– Только в одном случае кто-то один сыграл бы в моей жизни, как ты выражаешься, гнусную роль. Это был бы палач, отрубивший мне башку после лживого доноса какого-нибудь выродка и несправедливого приговора Народного суда. Ну, а если говорить серьезно, то никто не может предать так гнусно самого себя и свою судьбу, как человек, закопавший в землю талант или продавший душу дьяволу за никогда не девальвируемый тридцатник.

И советская власть, слава богу, истлела, но чего уж говорить о ее генах, к несчастью, ввевшихся даже и в наши с тобой экзистухи и, как бы то ни было, частично присутствующих в психике сегодняшних властителей российской политики, особенно внутренней.

Естественно, все такое, как оказалось, незлокачественное, тормозит историческое дело очищения народного сознания от скверн большевистской преисподней, как бы там по ней ни ностальгировали праздные романтики, не бывавшие дальше изгородей своих дачных «чистилиц», если не «раев».

Не могу не пожелать россиянам быстрее – во всех областях личного существования и общественного бытия – изживания отвратительно безнравственной «совковости», опять-таки к несчастью, превратившейся в ядовитые сорняки на начавшихся, слава Всевышнему, возделываться нивах свободы.

Тут следует заметить, что Юз, как мне показалось, на этот раз явился в Москву какой-то нервный, суетливый, озабоченный, капризный. Рычал на фотографа Васю, которого он знает с Васиного младенчества, что тот слишком часто затвором щелкает. Все время поглядывал на свои наручные даже во время чтения и записи на CD другого своего известного на весь мир романа «Рука», как будто бы дожидаясь некоего часа икс, досадовал на сильные мои к нему приставания, обещая ответить на все устные вопросы позже. «Возраст, что ли, дает о себе знать?» – мельком подумал я. И тут же опроверг сам себя, видя энергичное Юзово лицо, не в силах угнаться за «коллегой и подельником» в наших пеших хождениях по Москве.

– Юз, весь ли мир уже в нынешнем, XXI веке постепенно, как закатное солнце в море, погружается в гнусность, судя по тому, что творится во всех уголках этого мира? – задыхаясь, спросил я его на ходу где-то в районе Курского вокзала.

– Позже, позже скажу, – отмахнулся он. – Письменно или свяжемся по скайпу.

– Мир, Женя, не раз переживал различные тектонические смещения, ряд «перестроек» водных пространств и суши, капризы земной оси, природные катаклизмы, потопа, оледенения, оттепели, уничтожение видов животных и растений, гибель многих цивилизаций и так далее. Короче говоря, Земля постепенно сделалась местом, более или менее пригодным не только для обитания, прокормления ближних и дальних, индустриальных новаций и полей бесчисленных войн, ведущихся самыми изощренными видами новейшего вооружения, но и привлекательным для туристов.

Однако, как это ни странно, несмотря на насущные, но явно скороспелые идеи планетаризма, что выражается, к примеру, в уродливой политкорректности и в иных видах оголтелого умозрения, в мире уже пованивает не просто закатом Европы, но гибелью очередной человеческой цивилизации. Сие не причуда моего мрачного пессимизма, а ответственные научные выкладки высокоученых дядь и тетей.

– Тогда скажи все же, дорогой Юз, кто самая значительная и любезная твоему сердцу персона, встреченная лично тобой в этой жизни? Кроме Ирины, разумеется, твоей верной спутницы, подруги, ангела и так далее.

– Во времена веселой пьяни, бедной, но временами загульной жизни, богатой только на дивных друзей, – жизни, осчастливившей меня вдохновением и призванием к сочинительству, поверь, я молил Небеса только об одном: о ниспослании в мя грешного и в непорочную мою душу истинной и единственной в жизни любви. К счастью, дошли однажды до места назначения мои молитвы, дошли: в Коктебеле, на сорок шестом году безалаберной, но кое в чем – благодаря осознанию призвания – определившейся моей жизни я встретил свою в доску Прекрасную Даму, с которой ежедневно счастлив вот уже тридцать шесть лет, а тот факт, что я тоже ею любим, клянусь, рассматриваю как совершеннейшее чудо, которого недостойн.

Так что личности значительнее Иры – ангел-хранитель не в счет – никого у меня не было да и быть не может. А о необыкновенной везухе знакомства и близкой дружбы с иными в высшей степени замечательными личностями предпочту умолчать – сие не для публичного разговора. Я просто благодарен судьбе за такие удачи. И никакой я не вижу непереносимой надобности обзаводиться любому из Художников потрясениями, революциями, личными драмами, видами поэтического безумия, я уж не говорю о тоске по страданиям физическим и нравственным, выполняющим, как говорят, роль исцелительных для духа витаминов. Жисть, сам знаешь, до краев наполнена всем таким, порою совершенно невыносимым, а ежели сам ты в некотором роде везунчик, то все равно принимаешь близко к сердцу боль и горести массы незнакомых тебе людей, зверей, бездомных псов, кошек, раненых перелетных птиц, порою даже деревьев, вырубаемых в угоду всепожирающему техпрогрессу. Я хочу сказать, что коли уж ты Художник, то пепел Клааса до гробовой доски не перестанет стучать в твоё сердце, а может быть, и в ту самую доску, если, конечно, твой опыт художественного восприятия как язв жизни, так и красот существования на лоне Творенья, окажется того достойным. Однажды Джозеф, он же Иосиф Бродский, чистый гений, с которым имел я счастье и радость дружить, спросил меня по телефону: ну что происходит, как жизнь?

Я неожиданно для себя брякнул: жизнь прекрасна, всех очень жаль, – и почему-то испугался. Но поэт есть поэт – он ответил: потрясающая формулировка. Я до сих пор не пойму, какие ему привиделись в ней поэтические или, что одно и то же, метафизические смыслы. Однако до души – не до разума – доходит, что в случайно брякнутой мною фразе содержится нечто основополагающее, для меня необъяснимое, предельно глубококородственное радости существования и вместе с тем исполненное ясностью до странности жалости ко всему живому, занятому нелегким трудом жизни. Может ли нормальный человек не жалеть избиваемых детей, баб, брошенных мужиками, бездомных собак, загарпуненных китов, белых медведей, погибающих от таяния льдов, каждого из живых существ в клетках зоопарков? Конечно же, не может.

Взволнованный этим его длинным лирическим монологом, я подумал вдруг, что и он, и я, и многие другие наши современники, все мы в обозримом временном пространстве несомненно покинем эту нашу ЗЕМНУЮ реальность³. Так будет ли новое поколение россиян, не имеющее нашего опыта жизни при тоталитаризме, в более выгодном положении, чем мы, или наоборот? Как в связи с этим следует относиться к фразе Варлама Шаламова о том, что «лагерный опыт – целиком отрицательный до единой минуты»? И здесь меня, товарищи, ждал от Юза Алешковского ЭКСКЛЮЗИВ.

– Категорическое заявление великого Шаламова об абсолютной отрицательности лагерного опыта кажется мне весьма спорным хотя бы потому, что порою невыносимо ужасные испытания человеческого тела, ума и души являются для сумевших выжить, как бы то ни было, частью таинственной химии их жизненного опыта.

³ Дай ему Бог и дальше здоровья, успехов в работе, счастья в личной жизни, нашему легендарному Юзу в его «далекой, но нашенской» Америке.

Я не был на Колыме, хотя и мне приходилось изнывать от дикой холодрыги и голодухи. Не могу сейчас не рассказать о том, о чем почему-то никогда не писал.

Однажды в промозглом лагерном сортире, посреди желтоговенных сталагмитов, попала мне на глаза почти не смятая страничка из какого-то редчайшего в те времена глянцевого журнала. Как я понял, это была страница, вырванная из номера «Америки», журнала неясно как в сортир попавшего.

Вот так я прочитал в полутьме и в миазмах, почти нейтрализованных морозом, нобелевскую речь Фолкнера.

Это был один из самых замечательных моментов в той моей, молодой, да и в последующей жизни тоже. На мгновение перестала для меня существовать морозная зима, вечная недожираловка, подневольный труд – в душе зазвучала вдохновенная музыка фразы великого писателя: «ЧЕЛОВЕК НЕ ТОЛЬКО ВЫСТОИТ – ОН ПОБЕДИТ». Она и определила отношение ко всему, выпавшему на мою долю. Главное, я почувствовал наличие в своем существе духа такой божественной свободы, которая неподвластна ни одной из тираний, ни одному из оскорбительных для личности человека колючепроволочных ограничений, ни цензуре, ни прочим видам зависимости человека от любых внешних сил, враждебных его изначально свободному, полагаю, богоподобному духу.

С этим чувством живу по сей день, но не знаю, как бы я высказался насчет лагерного опыта, оказавшись в условиях, в которых пришлось мантулить и тянуть за сроком срок Шаламову, одному из многих известных и неизвестных героев нашего времени, – не знаю, ей-богу, не знаю.

Как угодно понимай, но я пытаюсь в своей жизни отвечать на вопросы, никогда не задаваемые ни ею, ни мною самому себе, что необыкновенно занимательно, временами именуется судьбой и требует от человека безраздумно доверчивой подчиненности велениям ее постоянно безмолвного гласа.

А что касается «нового поколения россиян», то все, что мог сказать, я сказал в своих сочинениях, если, конечно, они окажутся достойными внимания потомков, а чтение книг все еще будет считаться одной из добродетелей человека, остающегося культурным. Кроме того, не высказаться лучше, чем Пастернак: но нужно ни единой долькой не отступаться от лица, а быть живым, живым и только, живым и только – до конца.

И вот он удаляется, удаляется от меня, удаляется от нас, скрывается в тумане пространства и времени.

– Юз, – кричу я ему вслед. – Извини, но что для тебя Америка, в которой ты сейчас живешь, и Россия, в которой ты сейчас не живешь? Не хочешь – не отвечай. Я в претензии не буду, и ты на меня не гневайся.

Тихо и серьезно, безо всяких признаков нервности, суеты, спеси отвечает Юз, житель двух главных в мире стран – Америки и России, уникальный русский писатель Иосиф Ефимович Алешковский:

– Россия – родина матери, отца и моей полувековой жизни, а также русского языка, ветреной Музы и, рад повторить, любви к Ире, ниспосланной мне – сузим пространство до точки – в Коктебеле, в Крыму, некогда принадлежавшем России. Америка – родина вторая, где я начирикавал свои сочинения не в ящик, а в простых условиях естественной свободы. Сочинениями этими горжусь еще и потому, что местом их действия всегда была родина первая, доходившая по всем статьям, но терпеливо ожидавшая врезки дубаря сюрреальной советской системы, перестройку которой по китайскому образцу я каким-то странным образом и описал

в романе «РУКА» за десять лет до неслыханных политических инициатив Горби и его младых, намного более шустрых единомышленников. Прощай!

– **До свиданья.**

2011

Белла Ахмадулина
Пунктир помыслов и сердечного излучения

Чистый голос ее, голос – писать стихи, музыка разрыва и излома, обретающая головокружительную гармонию на стыке таинственной лексики и простейших предметов окружающего реализма... Все это останется навсегда, вписываясь в то самое древнее, библейское, когда Ева по Божьей воле вывела человечество из дистиллированного рая в грубую жизнь. Вот почему Ева для меня – это она, Белла, чудесным образом сочетавшая в себе во время своего земного существования утонченную женственность и превосходный ум.

БЕЛЛА АХМАДУЛИНА: Наша с тобой добрососедская и добросердечная встреча может считаться для меня совершенной идиллией, потому что год кончается, век кончается, всегда это тревожит, печалит, волнует многих людей. А у нас с тобой много счастливых совпадений. Во-первых, это отрада совершенной дружбы, сердечной и умственной. И то, что даже мы в соседях, мне кажется каким-то подношением со стороны жизненного сюжета. Потому что среди всех забот, тягостей, от которых я как бы отдельно живу, есть все-таки общие несчастья и трагедии, которые сильно действуют на человека. А тут вот мы сидим, я радуюсь тебе, всегда радуюсь тому, что ты пишешь, тому, что напишешь, и поэтому с наслаждением буду беседовать на любые темы.

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ: Я и хотел поговорить о вещах одновременно и сложных, и простых. Ты сама заговорила про конец века, тысячелетия. Просто беседа наша – о жизни, о людях, о счастье. Но не о смерти. Потому что смерти же ведь нет, так? Есть просто, наверное, переход в другое состояние, да?

Б.А.: Да... это такая тема, которая и высочайшие умы сильно занимала. Все знают, по многим воспоминаниям известно, особенно из бунинского «Освобождения Толстого»... Бунин вспоминает, когда сын Толстого, маленький лучезарный сыночек Ванечка умер, шли они по Девичьему полю, по кочкам Девичьего поля, и Толстой прыгал по этим кочкам и говорил: «Смерти нету! Смерти нету! Смерти нету!» То есть так себя уговаривал...

Е.П.: Заговаривал...

Б.А.: Но не думать про это – невозможно. Просто невозможно... И потом – конец столетия нам иногда и подарки большие делает. Например, скажем, в последний год XVIII века родился Пушкин... А в 1899-м – Набоков, который сейчас всех так занимает, утешает и заманивает.

Е.П.: Не подсчитывал никогда. Действительно ровно в сто лет разница.

Б.А.: Но это я так, просто. Это простая арифметика. Всегда много всякой мистики разводится в пограничные времена. А потом действительно что-то совпадает, особенно если про нас говорить. Мне приятно Набокова упомянуть, потому что давно еще, когда еще не было принято, как сейчас, широко и открыто его обсуждать, иногда даже с некоторой развязностью, я ему написала письмо, где сказала: «Я знаю, что Вы вернетесь»... А ведь это его чудное детство безоблачное, оно совпадало с детством многих людей. Но недолго все это продолжалось. Уже 1905 год давал некоторые намеки, некоторые указания и предупреждения делал. И люди как-то чувствовали, особенно, может быть, Блок. Чувствовал в какой-то тревоге, словно сам накликавал. Меня всегда поражает начало этого века, который сейчас кончается. Даже неизвестно, как нам – с любовью, радостью или печалью – с ним прощаться, потому что многое как бы все-таки БЫЛО. Жизнь наша при нем проходила. Меня начало века занимает хотя бы потому, что да, конечно, неудачи Японской войны, уже как бы роковые, революция пятого года, все эти невзгоды обернулись страстью общества, во всяком случае каких-то его слоев, к пикникам, фейерверкам, театрам, кабаре. Расцвет архитектуры, русского модерна – это заметно и в Москве, на Поварской, которая нам с тобой так близка, где мастерская Бориса Мессерера, где все мы собирались во время нашего альманаха «Метр6поль»...

Е.П.: На Поварской, а ныне Воровской, как Борис тогда выражался... Да и в других городах заметно – центр Самары выстроен в это же примерно время, купеческий Красноярск...

Б.А.: 12-й, 13-й год... Страшно думать, как будто они просто готовились. И вот некоторые дома на Поварской, они чудом уцелели, теперь в них посольства... На этой улице Бунин наблюдал из дома Муромцевых, из квартиры Муромцевых «окаянные дни»... Также очень заметно на берегу Финского залива, что вот они строили эти замечательные дома со шпилями, у меня об этом много написано и в стихах, и в прозе, строили, строили, строили... И все это – и пикники, и фейерверки, и дамы в чудесных туалетах, и дети в кружевах – во всем этом какое-то надрывное ликование, недолго оставалось ликовать...

Е.П.: Но ведь это не конец века, а начало. Ведь конец XIX века, как я его понимаю по книжкам, он такой это был... чуть-чуть сдержанный, лишь потом – Японская война, 1905 год, и вдруг – какой-то выброс чудовищной энергии... У тебя ведь и в замечательном твоём трехтомнике последний текст – «Посвящение дамам и господам, запечатленным фотографом летом 1913 года»...

Б.А.: Да, вот я хочу все написать и напишу: травля Столыпина, его убийство в 1911 году, в 10-м году какая-то тревога людей уже осеняет, но беспечность гуляет по гостиным, по салонам... веселятся в «Бродячей собаке», «Привале комедиантов»... И в том же году воздушный парад, где знаменитый летчик, который для меня почему-то прельстительная личность, – Лев Макарович Мациевич... Отважный человек, один из первых летчиков начала века. Во время парада при множестве нарядной и восторженной публики самолет Мациевича взрывается в воздухе, и так погибает этот красивый, мужественный, безмерно отважный и элегантный господин. А ведь Столыпин интересовался воздухоплаванием, аэропланами, и у него была мысль подняться с Мациевичем. Значит, кто-то об этом знал, за Столыпиным охотились, кто-то знал, что он собирался взлететь на этом аэроплане... Но я как-то не об этом, может, лучше о новогодней елке?

Е.П.: Да нет, прекрасно, что мы начали с начала конца века – по-моему, об этом только и нужно думать два этих года, оставшихся до двухтысячного. Но я вот что тебе хотел напомнить – помнишь свою фразу, когда ты много лет назад выступила в защиту писателя-диссидента Льва Зиновьевича Копелева. Ты тогда сказала: полстраны знает меня в лицо, а всем остальным я говорю: «Не верьте лживой газетенке, назвавшей честного доброго человека Иудой, а верьте мне...»

Б.А.: Помню... 80-й год тяжелый был: война в Афганистане, смерти, отъезды... Мрачный год. Я сначала в защиту Сахарова высказалась, потом – за Копелева. И меня это вдруг страшно развеселило... Я, конечно, понимала, что это не приведет к добру, и думаю, что те, кто за этим как-то следил по долгу службы, были этим несколько озадачены: к чему, дескать, она клонит? Что она имеет в виду? Разумеется, я не надеялась их спасти, это была попытка спасти свою совесть. И мне полегчало страшно. Я помню, что первым узнал об этом Войнович и – понял, что так правильно, что мне так НАДО. Потом я Васе рассказала, Аксенову... И еще, я вдруг тогда вспомнила, что я член Американской академии искусств, и написала, что если больше нет других академиков в стране, то хотя бы я скажу про Сахарова доброе слово. Я к Лева Копелеву и к Рае Орловой с этим текстом пришла, мы смеялись... Я смеялась. А они испугались. За меня. И я помню, что это было – облегчение. А потом как-то все еще тяжелее шло – отъезд Аксенова, Войновича, Копелева, смерть Высоцкого... 17 лет прошло... В следующем, 1998 году шестидесятилетие его будут отмечать, и вот чем дальше, тем заметнее... его присутствие в умах.

Е.П.: Тогда была еще одна смешная история. Помнишь, тебе позвонил один из секретарей Союза писателей, женского пола, давай ее назовем ОНА... Позвонила и ужаснулась: «Как это могло случиться?»

Б.А.: Она вообще-то ко мне добродушно относилась, доброжелательно, насколько я понимаю. Просто ей поручили... И я ничего против нее не имела и не имею. Я, правда, ей сказала в свое время – не надо секретарем Союза быть, это очень опасно для жизни. Она говорит: «В каком смысле?» «А в таком смысле, что вот один мой старший коллега, с которым я дружила при многих разногласиях, он, по-моему, от этого умер». То есть что все-таки он был лучше, чем должность, которую он вдруг стал занимать и где ему пришлось напрямую соучаствовать в некоторых недостойных поступках. Ну вот, и она позвонила, Боря взял трубку, и она трогательно даже так сказала: «Она, наверное, не будет со мной разговаривать». Но почему же? Я взяла трубку, а она опять: «Белла, что случилось? Каким образом попал на «Голос Америки» твой текст?»

Е.П.: Как будто эти детали – главное. На их языке это называлось ПРОВОКАЦИЯ...

Б.А.: А я сказала, ты разве не знаешь, что «Голос Америки» не держит в Москве корреспондента, поэтому мне пришлось пригласить к себе корреспондента «Нью-Йорк таймс»...

Е.П.: Как тут не ахнуть – Америка... Нью-Йорк... «Таймс»... Копелев... Сахаров... Брежнев... Афганистан... Ахмадулина... Слишком большая нагрузка на один микрон мозговых извилин исполнительного чиновника...

Б.А.: И вот это малое мелкое веселье, оно, в общем, было утешительно. Как и во многих других обстоятельствах... В истории с «Метрополем», например... Дальше все совсем плохо пошло... Аксенов... Он только выехал, звонит из Парижа, а я ему говорю: «Володя Высоцкий умер». Он закричал: «Нет, не может быть! Это, наверное, ошибка! Сколько раз уже слухи были...» «Нет, – говорю, – на этот раз не ошибка...»

Е.П.: А вскоре и Аксенова гражданства лишил «дорогой Леонид Ильич». Равно как и тех других писателей, кого ты упомянула. Их заставили стать эмигрантами, их эмигрантами сделали, им жизнь поломали, а потом еще фыркали, удивлялись, что они не бегут «задрав штаны» за перестройкой, как только ее прокукарекала КПСС...

Б.А.: Ну а если о радостях жизни, то следующая радость была, когда вы со Светкой поженились, а мы с Борисом были у вас свидетелями. 13 февраля уже 81-го года, ты еще боялся – «черная пятница»...

Е.П.:...загс Черемушкинского района... Инна Соловьева, Вера Шитова, Дмитрий Александрович Пригов... Шампанское и грузинская скатерть на снегу, которую тебе подарил Параджанов, а ты – нам...

Б.А.: Я, помню, очень радовалась, но у меня вдруг слезы на глазах выступили. Помню, та женщина, которая в загсе расписывала, которая... ну не из тех, кто венцы над головами брачующихся держит, должность ее более сухая и скупая... Но вот она увидела, что мои глаза очень повлажнели от любви, и какая-то необыкновенная человеческая мягкость в ее чертах вдруг проявилась, я еще подумала, что к человечеству надо всегда внимательнее относиться. Всегда так кажется, что все злодеяния и все дурные поступки искупают какие-то избранники, которые сами или гибнут, или страдают. Леонардо да Винчи, скажем, узнали, а дальше – давайте злодействовать. Или – Рафаэль прекрасный появляется или Пушкин, а вы все злодействуете. На самом деле это не совсем так. Мне доводилось видеть вот эти черты света, какой-то лучезарности в людях совсем далеких от грамоты, от... искусства... Такие у меня были утешения... Вот тетя Дюня такая была, она прожила тяжелую жизнь, но до девяноста лет все-таки совсем малость не дожила в Вологодских местах вблизи Ферапонтова, деревня Усково. Какой ум я в ней видела, какую речь слышала! У нее сынок Шурка был, который очень бесчинствовал, с сыном своим на топорах сражался. Этот самый Шурка мне, кстати, недавно приветы передавал, несмотря на то что тогда вполне соответствовал той самой известной русской поговорке и названию твоей книги «Веселие Руси». Но тем не менее плотницкие наследственные замашки сохранил, невзирая на это «веселие»... Недавно, мне сказали, спрашивал Шурка художника

Колю Андропова: «Белка-то где? Жилье для нее всегда тут есть...» Я его с любовью вспоминаю, хотя нашей компании с ним несколько остереглась. И все же я очень легко ладила с ним, с ними... Я ведь никогда не притворялась...

Е.П.: Вот-вот, в том-то и дело...

Б.А.: Никогда не притворялась и часто смешила людей, они ко мне хорошо относились. В этой деревне там одна такая Катя была, доярка, тоже соответствовала «веселию Руси», хотя это довольно грустно все, конечно, было, в общем... Уж не говоря о том, что туда... *(Пауза.)* Ладно, не буду... *(Пауза.)* Что тогда туда гробы сильно поступали из Афганистана, цинковые, в те места... То есть сначала в Среднюю Азию, а потом и туда, в Вологодчину, в Северный край... Так вот эта Катя пригласила меня на ферму, и тетя Дюня со мной пошла, ей уже тогда сильно девятый десяток шел. Коровы там в хлеву стояли и бегали по колено в грязи, и Катька мне говорит: «Да я научу тебя доить. Ты нам...» Ну, как бы она имела в виду – не чужая. Хотя я никогда не подлаживалась под их речь, даром что с тетей Дюней ночи просиживала. Она мне пела песни своей молодости, говорила очень ярко. Да и мне доверяла, хотя привыкла насто-роженно жить: эти места никогда богатыми не были, но раскулачивание они все тоже тяжело пережили. Она мне и это рассказывала, и другое, но больше вспоминала свою молодость, как она в девушках жила. И вот меня к корове подвели, и Катька мне говорит: «Ну ты, это, гляди, Белка, и делай как я, это очень просто...» Они меня все Белкой так и звали, что никому, в том числе и мне, не казалось чем-то странным. Про «Изабеллу Ахатовну» (по паспорту) они и знать не знали, что это такое... Ну вот, когда я к корове приблизилась, корова на меня безумным глазом оглянулась. И я поняла, что перед коровой не притворишься никак, что это бесполезное занятие. Корова немедленно подобрала вымя, хотя оно у нее было вполне нагружено молоком, и смотрела на меня таким ярким опасливым глазом. То есть это был глаз вообще всего, перед чем притворяться не нужно. Перед коровой ли, перед тетей Дюней, перед Шуркой ли этим, или вообще... Так вот, этот глаз коровы был очень убедителен. И как она СОВЕРШЕННО посмотрела на чужака – так может посмотреть со страниц Мысль, и сразу станет понятно, что притворяться не следует. Тетя Дюня тогда тоже засмеялась и говорит: «Отойди-ка, отойди...» И хоть она давно уже своей живности не имела, выражение глаз у коровы стало доверчивым, любящим, и тетя Дуня («тетя Дюня» там говорят) стала ее доить. А Катька очень смеялась над всей этой сценой. Тетя Дюня у меня где-то упоминается, но никогда бы я не смогла воспроизвести ни речь ее вологодскую, ни... черты, только вот образ ее замечательный. Ну и красоту тех мест... Так же и всегда было – я легко ладила с людьми НЕ ТЕЛЕВИЗОРА. Тетя Дюня телевизора и не видела никогда...

Е.П.: Ты абсолютно точно говоришь, потому что подлаживаться – решительно невозможно и не нужно. Лично для меня нисходящие сверху книжки «радетелей народных» отвратительны, поскольку там – подлаживание и снисхождение, стилизация языка, дистилляция нравов, но дело никогда не доходит до таинственно-правильных выводов, и поэтому сосуд пуст. И еще – когда ты говорила о том, что мотивы твоего выступления в защиту Сахарова и Копелева были непонятны даже ПРИСМАТРИВАЮЩИМ (замечательный, между прочим, термин Фазиля Искандера), я вдруг подумал о том, что, может, это и была та мелкая песчинка, которая перевешивает чашу весов. Фраза, кстати, была тогда тобой убийственно точно выбрана: «Я ВАМ ГОВОРЮ, Я ЗНАЮ». Легко представляю отечественного слушателя «вражеских голосов»: раз уж хрупкая Ахмадулина не выдержала и говорит все открыто, значит, власть действительно оборзела. Фантазирую, но ведь можно подумать и о том, что какой-нибудь чин или юный «боец невидимого фронта», услышав эти твои слова о Сахарове, вдруг затосковал: «Куда же это мы все катимся! И зачем ЛИЧНО Я в этом участвую?» Не лишний вопрос на все времена.

Б.А.: Да, приходится так думать. Ведь и судя по воспоминаниям тех, кто волей провидения или силой собственного устройства сумел выжить в лагерях, они знают, что даже конвоир конвою – рознь. Что при одном – совершенная гибель, а при другом вдруг какая-то малая поблажка появляется. Но это я не в том смысле, что конвоирам сочувствую...

Е.П.: Мне трудно это объяснить, но для меня все в этой жизни таинственно связано. Боюсь впасть в пафос, как вступить в содержимое хлева, где ты так и не подоила корову, но не все в нашей жизни тлен, вранье и путь к смерти. Ведь НАРОД действительно существует, и ты – часть его. Если бы ты, что представить невозможно, лихо бы, например, повязалась платочком и, по-простонародному «окая», весело разлетелась к корове, заигрывая с населением, возникла бы пустота, вакуум в отношениях. Ты для них – экзотическая персона, но своя. И они это прекрасно поняли. Всегда имеется уважение у человека, который сам что-то умеет делать – плотник ли он, или доярка, – к человеку, который тоже умеет делать СВОЕ. Они знали, ты что-то умеешь делать. Что ты – поэт.

Б.А.: Они не знали.

Е.П.: Они чувствовали суть, что человек каким-то своим делом занимается, а каким – не моего ума дело. Я вот не знаю, как устроен двигатель внутреннего сгорания, но на машине езжу. А автомеханик знает...

Б.А.: Помнишь еще тот светлый день, когда мы искали место, где отпраздновать вашу со Светланой свадьбу?

Е.П.: А, это когда – «мания величия», когда мы встретили твоего знакомого с «манией величия»? Он сказал, что он – директор ресторана и все устроит. А когда мы приехали, выяснилось, что он в этом ресторане служит сторожем.

Б.А.: Ну да, «мания величия». Это тоже трогательная черта в человечестве.

Е.П.: Он поэт был какой-то, да?

Б.А.: Он, я надеюсь, и есть. Мне вообще-то всегда кажется, что человек, которого мы, условно говоря, гением называем или чье дарование принимаем за совершенное, и графоман – он тоже совершенство. Если он не корыстен, если он не на продажу это делает, а просто так душу в это вкладывает, то он достоин моего восхищения. Кстати, тот, о котором ты вспомнил, он всегда, когда мне звонил, ни разу ни о чем не попросил, а только говорил, что у него все просто изумительно. Ужасно, когда в «манию» входят тщеславие, страсть немедленно напечататься, а так – трудно отличить. Кстати, среди тех, кто мне присылает письма, много одаренных людей.

Е.П.: Одаренных людей вообще много. Я это тоже вижу. И разговоры об «утраченном генофонде» – чистая спекуляция, по-моему.

Б.А.: Ну и потом я вот радуюсь – мало того, что ты моложе меня, еще и Васька наш, твой сын, – надежда, и как бы приходится надеяться, что следующий век по крайней мере состоится. Хотя бы из-за детей.

Е.П.: Твоих Лизы и Ани, Бориного Саши и его детей. Из-за всех всемирных «деточек у Христа на елке».

Б.А.: Кстати, ты помнишь, как мне приснилось, что у вас родится сын? Ты помнишь, как я тебе это сказала, а вы не верили, у вас не было тогда детей. Мне приснилось, и я тебе сказала. Сказала, что, может быть, и не надо говорить, но мне сон приснился, что у вас сын родится. Мне вообще-то вещие сны не снятся, наоборот, всегда какой-то вздор, но на тот раз это было. Это было. Я очень помню.

Е.П.: Значит, какой-то сильный был сигнал ОТТУДА.

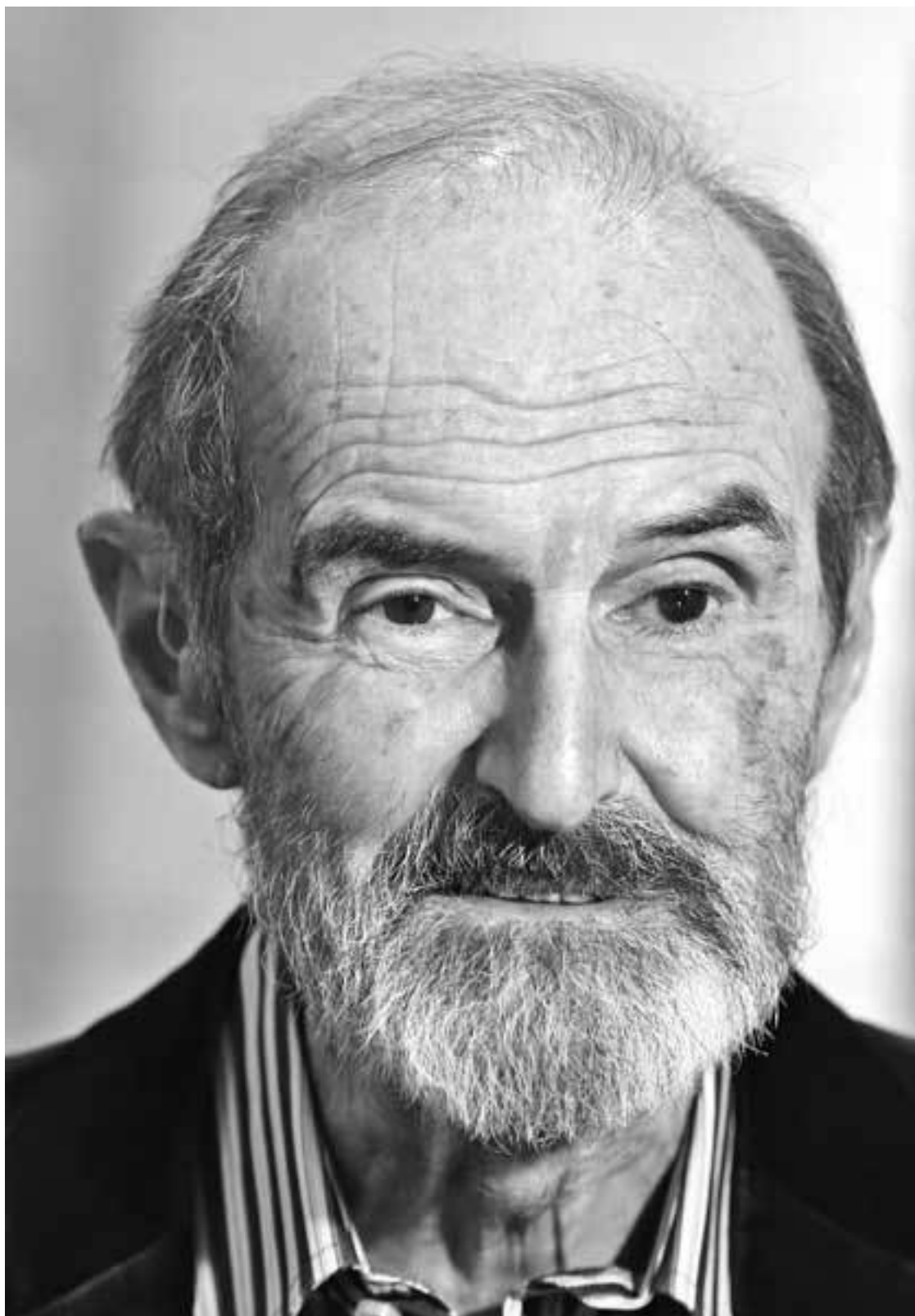
Б.А.: Ну и поскольку следующий век – это их владение, детей, приходится думать обо всем с большим пристрастием. И вблизи Нового года, который всегда волнует хотя бы оставшимся с детства запахом хвои, возникает двойное чувство. Потому что, с одной стороны, дей-

ствительно всей душой его желаешь – радости, утешения тем, кого любишь, и тем, кого знаешь. Но ведь нечаянно думаешь и о тех, у кого не только елки, но и крова нет. Как-то я это очень сильно ощущаю. Может, потому, что я вот хворала, была в больнице, а в больнице всегда есть о чем подумать, особенно во время тяжелой хворобы. Но страдания других людей очень отвлекают от собственной участи. Мне пришлось там видеть таких, кому просто из больницы деваться некуда. И нечаянно я об этом ПРАВДА думаю. Ну что же мне... Тут уже приходится не желать, а как бы так СОСРЕДОТАЧИВАТЬСЯ, что ли, как вот так пожелать, чтобы какие-то, не знаю, Волшебные Силы, или Высшие Усмотрения, или Щучье Веление... Чтобы ОНИ как-то сжалились над теми, кто терпит несчастья, нужду и чья жизнь так трагически складывается. Мне, скажем, довелось видеть человека, который прямо с рождения был лишен родителей, вырос в детском доме, попал в тюрьму еще подростком, так жизнь и шла этим ужасным способом. А меж тем в лице его были черты, которые... были. И ведь таких людей очень много, и ему действительно некуда деваться, ничего у него нет, кроме «Справки об освобождении», чье даже название звучит очень зловеще. Что даст ему эта справка? И вдруг я ему сказала, так наивно, так беспомощно: «А вы можете все это описать, все, что вы мне рассказали?» Приходится вспоминать слова Достоевского, я вольно их передаю: «Вот там страдания, но у меня есть надежда, есть утешение, я могу писать. Каково же тем, которые не могут это описать?» А когда думаешь о детях, сразу как-то светлеет немножко в уме. Потому что не могу же я себя хозяйкой следующего столетия считать или хотя бы длительным его обитателем себя чувствовать. Это как-то было бы даже глупо и вопреки суеверию. Но все-таки есть дети, и хочется надеяться, что как-то их обстоятельства сложатся в соответствии с новогодними пожеланиями, подарками, свечами, фонариками. Тут еще как-то иногда кажется, что можно мыслью о тех, кого любишь, о ком нечаянно печешься, сильной этой мыслью излучить какой-то пунктир в пользу тех, о ком заботишься, по именам их называя перед сном, глядя в потолок и сквозь потолок куда-то. Да и о тех, кого не знаешь и кто тебя не знает. Я в этот пунктир помыслов и сердечного излучения очень верю... Сердце ведь каким-то чудом уцелело, ум действует, и там есть нечто, что может излучать этот охранитель, охранительный пунктир. Незаметный, но посылаемый в пространство⁴.

1997

⁴ Как все же пусто вдруг стало в стране без Беллы!

Эрик Булатов
Красная машина едет неизвестно куда

Честный, могущественный, благородный, предводитель. В детстве это спокойный, несколько флегматичный мальчик, робкий и послушный. У него рано проявляются способности, причем разнообразные. Эрик любит читать, и более всего – книги о великих путешественниках, воображая себя одним из них. Он предмет гордости родителей, обожаящих при случае продемонстрировать всем знакомым, какой у них умный сын. Мальчик послушно декламирует стихи перед гостями, играет в шахматы с папой, рисует, поет, если его просят. Эрик не по возрасту серьезен и рассудителен, его суждения зачастую удивляют взрослых. Взрослея, Эрик быстро избавляется от послушания и безропотного подчинения старшим, хотя иногда производит впечатление человека инфантильного и неприспособленного к суровой прозе жизни. И тем не менее он вполне самостоятелен и способен отвечать за собственные поступки. Он обладает развитой интуицией, осмотрителен и осторожен, что помогает ему неплохо устроиться в жизни. Эрик может проявить себя абсолютно в любой области, причем неизменно добивается успеха. В Эрике есть все качества вождя: спокойствие, четкий расчет, смелость, аккуратность, верность делу, умение начинать сначала. Эрик пользуется огромным успехом у женщин, но не спешит окунуться в океан страстей.

Из «Книги гаданий». Тайна имени Эрик

Делаю чистосердечное признание. Когда мне предложили побеседовать с Эриком Владимировичем Булатовым, я очень обрадовался. Человек я простой, на истину в последней инстанции не претендую, но считаю его, своего давнего знакомого (другом не смею его назвать, это слишком ответственно!) художником № 1 если не во всем мире или ЕС, то уж в России – точно. К тому же встречаемся мы нынче крайне редко. Он большей частью живет теперь в Париже, я большей частью – в Москве. В парижской его квартирке (она же тогда служила ему мастерской) был лет пятнадцать назад, еще в прошлом тысячелетии. К тому же то, что он делал тогда и делает сейчас, чрезвычайно близко мне. Это – Россия, временно носившая кличку СССР. Это – разнесчастные люди ее, изю всех своих последних сил пытающиеся соблюдать достоинство. Это – авангардизм с человеческим лицом. Это – Родина моя. И его.

Лет тридцать назад, в блаженные годы заката коммунизма, виделись мы, естественно, гораздо чаще. Интеллектуальная андеграундная жизнь тогда в нашем советском болоте была ключом – неофициальные выставки, квартирные чтения «идейно-ущербных и близких к клеветническим» авторских произведений, обмен «самиздатом», «тамиздатом», становление соц-арта, концептуализм, явление призрака постмодернизма, бродившего по Европе, кайф преобразований и правдоискательства, жажда дальнейших Russian adventures у относительно молодых, «широко известных в узких кругах» творческих людей, которые в дальнейшем почти все стали знаменитостями.

Вот и Эрик Булатов. О нем внешний мир услышал во второй половине семидесятых, когда знающие толк иностранцы приобретали его работы за гроши и спокойно вывозили их на Запад, ибо добрая родина ставила на его полотнах уверенный штамп «Разрешено. Художественной ценности не имеет». Вот вопрос: не сошел ли бы с ума такой «разрешальщик», если бы узнал, что дрянной с его точки зрения холст под названием «Советский космос», изображавший одухотворенную развитым социализмом припухлую физиономию Брежнева Л. И. – на фоне герба Великой Коммунистической Державы и флагов пятнадцати дружеских республик, включающих Украину и Прибалтику, – будет перепродан в 2007 году на аукционе «Филипс» за 1 миллион 600 тысяч долларов, две другие работы уйдут по миллиону, и скромный оформитель детских книг для издательств «Детгиз» и «Малыш» получит титул одного из самых дорогих русских художников?

Что шествие его полотен по миру будет триумфальным, а он, чью мастерскую не больно-то спешили посещать тогда знатоки и искусствоведы, станет символом, знаком,

гуру, не приложив к этому ровным счетом никаких пиаровских усилий. И это лично у меня вызывает дополнительное уважение, ибо надоели мне отдельные, некогда талантливые, шустрые нынешние фуфлогонны, у которых в глубине значков символ \$ светится, как у волка краснота. Эрик же работает все лучше и лучше, опровергая тем самым расхожий тезис, что лишь в условиях борьбы с тоталитаризмом и тиранией рождается «настоящее искусство». Доказывая своим примером, что все разговоры о том, что живопись в XXI веке умерла или вот-вот помрет, – чепуха и спекуляция. И он прав, я тоже так думаю – какой ты, (непечатное выражение, запрещенное путинско-медведевскими законами), креативный художник, если ребенку зайца не можешь нарисовать? Мудак ты, а не креативный художник! Какой ты писатель, если писать не умеешь? И несвобода мне, как и Эрику, не нужна. Вам несвобода нравится, вот вы в ней и живите. А по мне так – мир огромен, и у принца Гамлета тоже были проблемы, хотя он и не жил при большевиках. Констатирую: Эрик Булатов наконец-то действительно стал теперь художником общечеловеческим, каковым, скорее всего, и всегда был, даже ограниченный советским материалом и железным занавесом.

Я, впрочем, не об этом. Я о нашей встрече, которая началась в помещении Манежа, где в сентябре будет развернута его грандиозная выставка, сопровождаемая посвященной его творчеству Международной конференцией. Встреча эта плавно перетекла на Чистопрудный бульвар. Там, в сталинском доме около киноцентра «Ролан», он сохранил свою московскую мастерскую, которую, кстати, не получил тогда даром от щедрого Союза советских художников, а построил на свои, заработанные книжным иллюстраторством, хоть и скромные, но все же деньги. К слову – дивный вид открывается из окон его мастерской на Москву, но боюсь, что хозяин мастерской вряд ли вернется сюда навсегда, чтобы любоваться этим видом постоянно. Таковы дела Твои, Господи!..

Мастерская сохранилась. Равно как и его российское гражданство. Живущий в Париже более двадцати лет Эрик Булатов является гражданином Российской Федерации. Он этого не скрывает, но и не афиширует. Для него это россиянство так же естественно, как работать с раннего утра и до глубокой ночи – всегда и везде. Французским он, кстати, так и не овладел, поэтому с западным миром общается исключительно через Наташу – в одном лице жену, подругу, Музу, ангела-хранителя, домоправительницу, арт-директора, критика, искусствоведа, но прежде всего – красивую умную женщину. Без которой, думаю, знаменитый на весь мир художник Булатов вряд ли стал бы знаменитым на весь мир художником Булатовым. Ведь это именно она увезла его в конечном итоге во Францию и обустроила во Втором арондисмане Парижа, на правом берегу Сены их уютный Дом Художника, где у Эрика наконец-то имеется для работы собственное изолированное пространство в ныне уже двухэтажной квартире.

В десятках интервью, в фильмах, о нем снятых, в книгах и лекциях он многое, если не все, рассказал о сути своей работы, о ее порою взаимоисключающих смыслах, вообще о своем видении искусства. О соотношении слова и изображения в визуальном пространстве, взаимодействии традиции и инноваций, построении пространства картины и об определении позиции зрителя в искусстве, о возможностях живописной пластики в условиях торжества массмедиа и попсы – обо всем этом речь будет идти на упомянутой Международной конференции 9—10 сентября, куда и я непременно приду, чтобы обогатить себя знаниями, и вам это сделать советую.

Однако до конференции еще далеко, и мы с Эриком заговорили о вещах совсем простых. Меня, например, давно интересовало, как так получилось, что он, сын правоверного коммуниста, вступившего в партию в 1918 году еще чуть ли не гимназистом, получил такое вызывающе-буржуазное имя скандинавского оттенка. Может, его так нарекли в честь какого-нибудь неизвестного мне большевистского святого тех лет, думал я. Типа ДЖОНАРИДА-

КАРЛАЛИБКНЕХТАРОЗЫЛЮКСЕМБУРГБЕЛЫКУНАСУНЬЯТСЕ – НАСПАРТАКАСТЕНЬКИРАЗИНА?

Ведь вряд ли папа и мама Булатовы имели в виду Эрика, сына бога морей Посейдона и богини любви и красоты Афродиты. Или, к примеру, норвежского короля по прозвищу Эрик Кровавая Секира, воина, закончившего свои скорбные дела в древней Ирландии...

ЭРИК БУЛАТОВ: Меня так называли в честь Чехова.

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ: Извини, но Чехов, насколько мне известно, носил имя **Антон**.

Э.Б.: Был еще великий Михаил Чехов, племянник Антона. А лучшей ролью актера Михаила Чехова считается Эрик Четырнадцатый из одноименной пьесы Стриндберга, поставленной в 1921 году Евгением Вахтанговым. Мои родители были большими театрами. И вообще любили искусство. Я помню, как отец, например, декламировал мне перед сном стихи Бальмонта, которые он знал наизусть. И ему очень хотелось, чтобы я стал художником.

Е.П.: А коммунисту разве полагалось знать наизусть стихи Бальмонта?

Э.Б.: Не все так просто было даже и в той жизни, удаленной от нас на восемьдесят лет. Мать моя была беженкой из «панской Польши». Стремилась в страну светлого будущего СССР, но трех лет пребывания здесь ей хватило, чтобы понять, где она очутилась. А отец – да, он был идейный, в 37-м его исключили из партии, над ним уже сгущались тучи, он покинул Москву, чтобы про него забыли, потом тихонько вернулся, в 41-м ушел добровольцем на фронт, где и погиб в 44-м. Мама к советской власти относилась неприязненно, в пожилом уже возрасте активно перепечатывала на машинке художественный «самиздат» – Цветаеву, Мандельштама, «Доктора Живаго». Их взгляды на многое были полярно противоположны, но они очень любили друг друга. Бывает и так.

Е.П. Должно быть, потому и бывает, что – любовь.

А сам подумал, что нам все время пытаются запудрить мозги – то классовым, то державным сознанием. А ведь из истории Булатова-отца явствует, что в мире всегда, во все времена наличествовала и просто любовь, как у Ромео и Джульетты. Забыли, дураки, что существует в мире такое Божье чудо, как любовь? – озлобился я.

Е.П.: Ты когда, кстати, начал рисовать?

Э.Б.: Сколько себя помню, всегда этим занимался. Отцу очень нравились мои детские рисунки – Руслан с Рогдаем бьются, всадники куда-то скачут... В сорок седьмом году меня приняли в художественную школу при Институте имени Сурикова, потом я легко поступил в этот же институт, поскольку окончил школу с медалью. В студенчестве я был еще нормальным советским человеком, комсомольцем, хотя и не особо верующим в светлое будущее...

Е.П.: Ну, твой случай не первый и не последний. Большевики сами выращивали себе врагов. Аксенов, Гладили, Войнович, Владимов – все они сначала были комсомольцами. Даже великий зэк Солженицын всерьез думал чему-то научить коммунистов, как будто они в этом когда-либо нуждались.

«Коммунисты идиотами были еще почище нынешних начальников, почему и рухнула их власть в одночасье, – мысленно решил я, Е.П. – Чем им, например, мешали правоверные тинейджеры из аксеновского «Звездного билета», которых критики презрительно именовали «звездными мальчиками»? Или художники-абстракционисты, все сплошь левые, симпатизанты Фиделю и команданте Че?»

Е.П.: Ты ведь первый раз выставился на родине в пятьдесят седьмом, еще студентом?

Э.Б.: Ну, да. Это были вполне обычные работы. А в 1973 году в Париже Дина Верни впервые показала одну мою «неофициальную» работу. 120 на 120 см. Автопортрет.

А я ужаснулся, ощутив внезапно убийственный ход времени. Это мы раньше все знали в Москве, кто такая Дина Верни. А нынешней публике придется объяснять, что это была знаменитая, богатая галерейщица родом из Кишинева. Натурищица. Юная муза, можно сказать, скульптора Аристиды Майоля, которой он завещал все свое огромное состояние. Участвовала во французском Сопротивлении, сидела в тюрьме. Троцкистка. Исполнительница блатных и лагерных песен на русском языке, где изящно материлась с акцентом. Друг и покровитель русских художников-нонконформистов. Антисоветщица. Короче говоря, великая женщина, выставлявшая в своей галерее тех, чьи работы, видите ли, «не представляли художественной ценности» в стране победившего социализма.

Е.П.: Убей бог, но никогда не пойму, за что наши прежние правители так ненавидели авангард...

Э.Б.: ...и придерживались этой ненависти практически до самого своего конца. В конце 80-х в газете «Советская культура» появился фельетон о художниках под названием «Рыбки в мутном пруду». Там была процитирована моя фраза, суть которой в том, что белый холст – это уже картина. Автор фельетона писал о нас: «И вот эти недоумки еще на что-то там рассчитывают». Парадокс в том, что эта статья появилась уже после того, как успешно прошла первая в моей жизни персональная выставка. В Швейцарии, куда я выезжал вполне официально, от Союза художников, с дипломатическим паспортом, как наглядный экспонат перестройки. Глупость ужасная!

Е.П.: Ох, не лезли бы они тогда к интеллигенции, купили бы народу на нефтяные деньги хоть немного колбасы да молодежи – джинсов, глядишь, их рейх еще бы тысячу лет простоял. И сейчас проблем куда меньше было бы.

Э.Б.: Видишь, им затруднительно было установить границу свободы. Запрещать, так уж все запрещать.

Е.П.: Соображали, суки! Что этим козлам (нам!) палец дай, они руку откусят.

И тут же понял, что примерно такого же содержания беседы мы вели и тогда, в начале 80-х, когда я приходил к Эрику вот в эту же мастерскую, где за стенкой трудился в своей мастерской (тоже построенной на собственные деньги) его верный друг, товарищ и соавтор по оформлению книжек, замечательный художник Олег Васильев, которого Эрик считает наследником Левитана и Саврасова, одним из лучших русских пейзажистов конца XX – начала XXI века. Год назад Васильев умер в Нью-Йорке. «Царство тебе Небесное, вечный покой, дорогой Олег!» – перекрестился я. – А Эрик – молодец! Не чурался объяснять мне, молодому и малообразованному, что значит то или иное на его, булатовских, полотнах. Не исключено, что именно под влиянием этих «уроков простоты», которые перешли к Булатову от Владимира Фаворского, я несколько лет назад составил комментарии и написал предисловие к трехтомнику собственных повестей и рассказов... Четкое осознание того, что нечего в конце концов с читателем (зрителем, слушателем) в кошки-мышки играть и кичиться своей «цветущей сложностью»... Не потакать, а уважать. СОЦАРТ, КОНЦЕПТ, ФОТОРЕАЛИЗМ – куда только не зачисляли Булатова персоны, сочувствующие ему. А супостаты сдуру полагали его работы издевательскими. Не понимая, что они не о власти – советской или антисоветской, – а о бедных людях, оставленных Богом, но тянущихся к нему, хотя вместо Бога у них в голове красная ковровая дорожка да лозунг «СЛАВА КПСС», конгениальный нынешнему

«КРЫМ НАШ». В совсем новых работах Булатова – та же мысль. Что люди в принципе не виноваты, как не были виноваты кричавшие «распни его» два тысячелетия назад. Добро – Зло. Свет – Тьма. Вера – Безверие. И вечная советская власть, которая сейчас, кажется, заразила и сводит с ума даже свободную Америку и просвещенную Европу...

Е.П.: Ты, кстати, где-то писал, что и советская власть была разная. Одна – в конце тридцатых, другая – в конце семидесятых.

Э.Б.: Это несомненно.

Е.П. (категорично): Поэтому я не считаю, что власть была тоталитарной в конце семидесятых... Ну да! Фельетончик могли состряпать про Художника, пляшущего под дудку буржуазной идеологии, как какой-нибудь нынешний «национал-предатель», разоблаченный НТВ и «Комсомольской правдой». Диссидента могли засадить за «Хронику текущих событий» и ненавистное «совку», как и любому правительству, требование соблюдать «права человека». А больше в принципе НИ-ЧЕ-ГО она тогда не могла! Ни бэ ни мэ. Ни рыба ни мясо. Страшно, если мы к этому снова придем. Ибо существование в таком мертвом доме было лично мне, писателю Евг. Попову, от-вра-ти-тельно, ибо лучше эти сюжеты придумывать, как Франц Кафка, чем жить в них, как Андрей Платонов.

Э.Б.: Молодость всегда вспоминается как нечто замечательное, однако не надо переносить это на советскую власть. Скверная была власть! Слабела на глазах, но своей сущности не меняла.

Е.П.: Власть давит ровно настолько, насколько каждый гражданин ей это позволяет. Нельзя зависеть ни от кого, а в особенности от государства, какое бы оно распрекрасное ни было.

Э.Б.: Художнику свобода необходима, в том числе и денежная. Иначе – хочешь не хочешь, а пойдешь на компромиссы в главном своем деле. Граница дозволенного была неотменяемой, хотя и плавающей.

Е.П.: Да и сейчас. Мы беседуем летом, а может, осенью этого и напечатать уже будет нельзя⁵.

Э.Б.: Художники и тогда разделились на два народа... Язык вроде бы один, а непонимание и отрицание друг друга – полные. Вот однажды известный, в общем-то, богатый и успешный советский художник А., у которого мастерская была в моем же подъезде, постучался ко мне в дверь, чтобы вернуть случайный денежный долг. Не держать же человека на лестнице? Я вежливо пригласил его войти, и ему двух минут хватило, чтобы, бросив беглый взгляд на мои картины, висевшие на стене, похвалить меня, что я честно делаю, когда не скрываю, что «подражаю Малевичу». Это по поводу работы «ВХОД – ВХОДА НЕТ». При чем здесь Малевич, я долго понять не мог, а потом сообразил – ему просто-напросто нужно было поставить меня на место. Зарвавшегося мазилу, явно плохого художника, который старается привлечь к себе внимание, используя какие-то псевдополитические мотивы.

Е.П.: То-то бы ему сейчас было печали, когда он узнал бы, что и эта работа тоже была продана на аукционе почти за миллион. Естественно, не рублей.

Э.Б.: Я думаю, что и в этом случае он для самоутешения списал бы все на счет тонкой межгосударственной политики.

Е.П.: Какой такой «тонкой политики»? Прошла «тонкая политика», наступили грубые времена... Прошло время концепта, соц-арта, фотореализма, соцреализма, постмодернизма... Рвутся снаряды, трещат пулеметы, кто не с нами, тот против нас,

⁵ Оказалось, что напечататься можно и в нынешнем 2018-м, из чего следует, что слухи о смерти свободы сильно преувеличенны, если перефразировать Марка Твена.

с кем вы, (непечатное выражение, запрещенное путинско-медведевскими законами), мастера культуры? (Еще два непечатных выражения, запрещенных путинско-медведевскими законами.) Впрочем, давай лучше об искусстве.

Э.Б.: Увы, сейчас в искусстве важным становится ПРОЕКТ, а не результат. Ну а уж осуществление проекта можно заказать любому ремесленнику. Такое для меня просто нож в сердце! Я этого не то что не понимаю, я категорически против такого отношения к искусству. Я глубоко убежден в том, что проект сам по себе вообще ничего не значит. Реализация, материализация проекта – вот только тут и начинается творчество. А если ничего не получится, кому он нужен будет, этот твой проект? Проект – веха твоего пути, лишь тогда он имеет значение, а в противном случае – огромный простор для шарлатанства и полной потери профессионализма. Я все-таки глубоко убежден в том, что художник обязан искать визуальный образ, который выразил бы то, что он умеет и имеет сказать. По возможности не прибегая к литературным подпоркам в виде обилия поясняющих текстов, комментариев...

Е.П.: Признаюсь, что я, например, с подозрением отношусь к инсталляциям и перформансам. У меня есть один давний рассказ, где в Нью-Йорке, на Манхэттене, тамошнее богемное общество чествует знаменитого русского художника, который в рамках перформанса прицельно насрал на голову своего товарища с небоскреба Эмпайр-стейт-билдинг. А недавно я узнал, что «Пусси Райот» хотят слупить с России в Страсбургском суде 250 тысяч евро за свои страдания. Папаша одной из них утверждает, что они продешевили – надо было требовать 250 миллионов.

Э.Б.: Ну, есть же все-таки разница между артистическим жестом и обыкновенным хулиганством. Обостренная реакция властей на хулиганство «Пусси» – это вне культуры, это государственная глупость, обеспечившая им нынешнее безбедное существование. В Париже украинские девочки пытались сделать нечто подобное, стали плясать голышом в соборе Парижской Богоматери, в колокол звонить, так там их какие-то крепкие ребята просто-напросто выкинули из собора, и все! Инцидент был исчерпан, лишь одна программа телевидения о нем вскользь упомянула.

Е.П.: Я с тобой полностью согласен, но полагаю, что идиотизм власти вовсе не оправдывает идиотизма ее оппонентов. Если ты оппозиционер, но дурак, то уж в этом точно не Путин виноват. Боже мой, сколько развелось псевдятины! Это ведь не только живописи касается, но и литературы, культуры, политики.

Э.Б.: И дело тут вовсе не в цензуре. Единственное, что когда появляются симптомы тенденции возврата опять туда, тогда действительно становится дурно и думаешь – не дай бог, не дай бог!

Е.П.: Информировать тебя, знатного парижанина, которому Родина доверила Манеж (шутка!), что властям пока что, слава богу, до культуры особого дела нет. Что бы там ни завывала православная сталинистка Я., ни плел нынешний министр культуры М., автор блестящего афоризма о том, что без идеологии человек становится животным...

Э.Б. Я вообще слово «идеология» не люблю. Меня от любой идеологии коробит. И от советской, и от рыночной. Для меня свобода возможна только через искусство. Искусство располагает своим пространством, свободным от социального. Хотя оно очень связано с социумом, обслуживает его и питается им, но оно самостоятельно, потому что отвечает не на вопрос «Чего хочет человек?», а на вопрос «Для чего человек существует?». Чтобы ответить, искусство должно иметь точку опоры за пределами социума, смотреть на него извне.

Е.П.: И все равно – эти времена с теми сравнивать некорректно. Эти – лучше, несмотря на их подлость и свинство. И эволюция все-таки есть. Вспомни, как художник, хотя бы цвет толпы в Москве начала 60-х годов. Черные кепки, серые суконные пальто, ватники, которыми нынче нас украинцы попрекают и которые теперь даже

в нищих русских деревнях не носят. Эволюция и в том, например, что твоя выставка будет в Манеже, а не на чердаке.

Э.Б.: Согласен.

С чем на этот раз Эрик согласился, я уточнять не стал, а молча подумал о том, что вновь возникает старинный русский вопрос – «ЧТО ДЕЛАТЬ?». Что делать, когда иллюзии шестидесятников тают, как мороженое? Двадцать лет назад надежда была, что как перемрут старые коммуняки, так всем и будет ЩАСТЬЕ. А тут за это время новые гады выросли из тех, кто, согласно строчке из песни Евгения Бачурина, не «ходил под кнутом». Да глупые-то какие, Господи!

Е.П.: Ладно, ну их всех! Я б помалкивал, но так и тянут, так и тянут эти разномастные черти художников в политику, каждый тащит на свою сторону.

Э.Б.: Эта проблема тоже возникла давным-давно. Некоторые мои друзья, люди, которых я уважал и любил, были диссидентами, и они тоже тогда от меня требовали – не просили! – чтобы я тоже что-то такое подписывал, конкретно участвовал в общественной деятельности. Я от этого всегда категорически отказывался. И вовсе не потому, что боялся. Но – либо политикой заниматься, либо творчеством. Я знал себя и отчетливо понимал, что если я сейчас начину письма подписывать, то – все! Как художник я больше работать не смогу. Увы, я так устроен, и поделаться с этим что-либо – выше моих сил. В результате на меня уже тогда иной раз косовато стали поглядывать эти мои приятели. Давай уж, действуй, если ты порядочный человек! Что ты там своей живописью на что-то там намекаешь? Ты прямо, прямо говори!

Е.П.: В глаза мне, в глаза!

Э.Б.: Только я считаю, что живопись моя и тогда, и сейчас была и есть самое настоящее прямоговорение, прямее некуда.

Е.П.: Все тянут в свою сторону, и получается интересная каша, да не наша... И я думаю, что наш с тобой любимый андеграунд был точным слепком официального общества. Со своими генералами, политруками, графоманами, диссидентами, стукачами...

Э.Б.: Успешным каждый художник хочет быть, но весь вопрос в том, сколько ты согласен заплатить за это. В наше время ситуация была жесткая. Либо ты делаешь свое дело, либо ты делаешь карьеру. Это вечная проблема взаимоотношений художника и общества. Сейчас ситуация мягче, но в принципе такая же. Молодые ребята, как правило, хотят сразу все... Не успев сформироваться, не выявив собственной профессиональной сущности, пытаются сразу же привлечь к себе внимание любыми средствами. «Артистический жест», «самовыражение» – все это уже было, было, было! Эта ситуация осложняется еще и тем, что коллекционеры, покупающие картины, за счет чего и живет, собственно, изобразительное искусство, перестали верить личному вкусу: люблю не люблю, нравится не нравится. И ориентируются на то, что скажет эксперт или тот, кто себя за эксперта выдает. Кураторы, галерейщики, искусствоведы, которые должны быть посредниками, вдруг возомнили себя хозяевами искусства, и художник для них всего лишь средство для достижения неведомых их целей, чаще всего материальных. Талант антрепренера ценится современным художественным социумом куда выше таланта художника, творца... И если изначально в проект были вложены деньги, то художник-антрепренер, конечно же, обязан их «отбить». Я – другой. Я всю жизнь работал и работаю один, сам. Я просто писал и пишу картины. И мое счастье, что я нашел тогда способ зарабатывать деньги не живописью, а другим способом, оформляя детские книжки. Это не универсальный, это трудный путь для молодого художника, но если честно, я другого пути не вижу. Пока ты профессионально не окреп, не обрел себя сам, не встал на ноги – не нужно суесться. Не нужно бегать, крутиться, показывать, показываться. Нужно найти какую-то другую

работу, которая обеспечивала бы тебе жизненный минимум, однако не отнимала бы у тебя все твоё время, которое ты должен посвятить своему творчеству, если Бог дал тебе хоть капельку таланта. Иного выхода нет, и не надо мне говорить про Энди Уорхола. Энди Уорхол был одарен дважды. И как художник, и как предприниматель. Энди Уорхол – американец, а не русский или француз.

Е.П.: Ты, гражданин России Эрик Булатов, ощущаешь ли ты себя принадлежащим к какой-либо религиозной конфессии?

Э.Б.: Православный я. Крещен, правда, не при рождении, а уже здесь, во Франции. Я хотел раньше креститься, у меня был друг-священник, имевший приход в глухой деревне. Но он не успел меня крестить. Его убили. Смерть в моем сознании связана с какой-то красной машиной. Эта красная машина едет неизвестно куда и олицетворяет для меня что-то страшное, страшное.

2014

Владимир Войнович
Судьба моя меня вполне устраивает
– какая есть, такая и есть

...я думал, что жизнь мне предстоит даже сложнее, чем я рассчитывал, и впоследствии оказался больше чем прав. В каждой среде, к которой меня прибывала судьба, была своя идеология, свои ценности, шаблоны, правила поведения и фразеология, с которыми следовало считаться, везде от меня требовали соблюдения принятых в среде ритуалов, поклонения кумирам среды, везде настаивали на том, чтобы мое мнение совпадало с тем мнением, которое в этой среде на данный момент считалось единственно правильным и прогрессивным. А поскольку мое мнение слишком часто не совпадало с общим, то меня всю жизнь поправляли, одергивали и часто предписывали, что я на самом деле должен думать о том или ином предмете (а о некоторых предметах и вовсе запрещалось думать что бы то ни было), и, при уклонении от предписаний, имевшие власть наказывали, а не имевшие проклинали устно, письменно и печатно.

Владимир Войнович
Дело № 34840

Писатель Владимир Николаевич Войнович, член Баварской академии изящных искусств, Сербской академии наук и искусств, почетный член Российской академии художеств и американского общества Марка Твена, лауреат многочисленных литературных премий и премии им. А. Д. Сахарова «За гражданское мужество писателя», известен всему белу свету не менее чем созданный волею его таланта ухватистый русский мужик Иван Чонкин или песня «Заправлены в планшеты космические карты», которую до сих пор любят исполнять подвыпившие российские граждане разных поколений.

Войновичу не нужно было «изучать жизнь», как того требовало от советских писателей «руководство». Он начал работать с 11 лет. Был деревенским пастухом, авиамехаником, плотником, слесарем, студентом. Блестяще дебютировавший в начале 60-х во время хрущевской оттепели, он и в дальнейшем адекватно реагировал на советское хамство и конгениальную этому хамству глупость своими язвительными текстами, в результате чего после семилетнего стояния против власти и ее органов в 1980-м был вынужден покинуть страну с клеймом антисоветчика и отщепенца. Писатель Войнович был крайне неудобен советской власти – и ехидными сочинениями, и своим аномальным поведением гражданина, который ухитряется оставаться свободным в обстановке, этому явно не способствующей.

Наступили новые времена. Родина нашла героя, и В. В. Путин вручил ему в Кремле Государственную премию России. Его старые и новые книги издаются и переиздаются, по ним поставлены фильмы, спектакли и даже один мюзикл. Его прежние враги низвергнуты, однако едкий и колющий нрав Войновича, его непочтение к ЛЮБЫМ авторитетам, парадоксальный черный юмор и сейчас многим не по вкусу. Писатель вряд ли подходит и этим временам. Он вообще никаким временам не подходит. Зато все упомянутые времена прекрасно подходят ему, ибо идиотизма, в котором он прожил свою жизнь, на его писательский век явно хватит.

Как-то я спросил Владимира Николаевича, пришлось ли ему вставать при вручении Госпремии под звуки бывшего советского гимна, чьи слова были к тому времени заново перелицованы покойным мастером такой кройки и шитья С. В. Михалковым? Войнович оживился.

– Я решил так, – сказал он. – Если будет музыка без слов, то я встану. А если со словами – останусь сидеть.

– Ну?

– Вот тебе и «ну». Они вместо гимна включили какую-то другую мелодию.

– Умные.

– Да уж не дураки.

– Главное событие XX века состоялось, конечно же, 25 октября 1917 года. Событие крайне противное, теперь его принято именовать переворотом, но это, увы, все-таки была революция, которая перевернула жизнь всего человечества, а не только Российской империи. Возникло вдруг новое энергичное государство с огромным пространством, армией. Целью которого было уничтожение старого мира ВЕЗДЕ, и всем странам так называемого капитализма или империализма пришлось на это событие реагировать. Приспосабливаться к новым обстоятельствам, чтобы у них не возникло того же ужаса, что в России. Они и приспособились. Демократическая система оказалась гибкой и взяла от социализма все то, что ей было потребно для выживания. Капиталисты, например, вместо того чтобы разгонять бунтарей казачьими ногайками, дали рабочим определенные права, свободы, сделали их жизнь по крайней мере сносной...

Сейчас в западном мире социализма, конечно же, значительно больше, чем в России. Германия, например, совершенно социалистическая страна, не говоря уже о всяких там Швециях.

Не знаю, понравится ли это высказывание Войновича абстрактному «западному миру» и Швеции с Германией, но могу подтвердить, что с социализмом я недавно повстречался в Италии, и должен в данном, чисто конкретном случае сказать о нем доброе слово. Я там, в горах Тосканы, случайно расшиб коленку, испытывал адскую боль, и мне в госпитале Косьмы и Дамиана, что в городе Пеша, дорогостоящую помощь оказали СОВЕРШЕННО БЕСПЛАТНО. Не место здесь, пожалуй, рассказывать сагу о том, как русская страховая компания, в которую я предварительно позвонил по случаю инцидента, послала меня куда дальше, чем в Пешу, любезно сообщив мне, что никакого страхового полиса я у нее не покупал, нечего врать. С социализмом все понятно. Хорошо бы, чтоб он всегда был «с человеческим лицом». А вот не поведает ли мне старый писатель, кто, по его мнению, гнуснее – большевики или фашисты?

– Как сказал бы товарищ Сталин: «Оба хуже». Гитлера я бы, скорее, с Лениным сравнивал, а не со Сталиным. Что Ленин, что Гитлер, оба были оголтелые фанатики, а Сталин действовал аккуратно, с дальним прицелом. И Гитлер, и Сталин, разумеется, выученики Ильича, но Гитлер был более «верным ленинцем», если можно так выразиться.

Поскольку меня, как и Войновича, тоже в свое время выперли из Союза писателей, мне было очень интересно узнать, помнит ли он сейчас всех этих своих важных начальствующих писательских чертей, которые так лопухнулись, полагая, что ВСЕГДА будут карать и миловать всех отпавших от сосцов единственно правильного писательского учения – соцреализма. Строгим был ответ Войновича:

– Когда меня проклинал какой-нибудь ныне окончательно забытый «автоматчик партии» вроде советского поэта Грибачева, я думал: «Что с него взять, с этой бодливой скотины? Что еще от этого животного можно ожидать?» А вот отношение ко мне людей, которые имели репутацию «порядочных», меня задевало и задевает. Например, Евгений Евтушенко. Когда в семьдесят пятом сотрудники КГБ отравили меня в номере 408 гостиницы «Метрополь» и я пытался донести это хоть до кого-нибудь, он ходил и везде говорил, что все это – моя наглая ложь, что ТАКОГО НЕ БЫЛО. Я даже не знаю, отчего это было так важно ЛИЧНО для него, какое тебе, казалось бы, дело – вру я или не вру, травили меня или не травили? Это для меня тогда В БУКВАЛЬНОМ СМЫСЛЕ было вопросом жизни или смерти, это мне, а не ему демонстративно угрожали, и гласность была тогда единственной моей защитой. Он повторял это и значительно позже, уже в иные времена, когда из числа прогрессивных членов Союза советских писателей была создана перестроечная организация «Апрель». На собрании, мне расска-

зывали, когда речь зашла обо мне, он вдруг вскочил и снова завел свое: «Вы ж понимаете, что у меня ТАМ есть достоверные источники информации, которые утверждают, что все рассказанное Войновичем о его отравлении – фантазии». Однако, после того как факт моего отравления был публично признан представителем Лубянки на конференции «КГБ вчера, сегодня, завтра» и особенно после того, как я написал о случае в книгу «Дело № 34840», Евгений Александрович эти разговоры прекратил, но у него возникла новая тема. Он стал всем объяснять, что Войнович ненавидит его из-за мелкого тщеславия. В 1979 году в Москву приехали американские писатели Уильям Стайрон, Эдвард Олби и, кажется, Джон Апдайк. И они, дескать, запланированному американскими дипломатами визиту к «диссиденту» Войновичу предпочли поездку с Евтушенко в Переделкино, где он им читал свои стихи на могиле Пастернака. И этого я, дескать, до сих пор ему простить не могу, такой уж я злопамятный человек.

Или, например, «прораб перестройки» Анатолий Рыбаков. Помню, как он сам себя накачивал в 1974 году самым подлым образом на писательских заседаниях во время моего исключения. До истерии. Дескать, его выдающийся антисталинский, написанный «в стол» роман «Дети Арбата» на Запад не попал, а ничтожный «Чонкин», где глумятся над Советской армией и Великой Отечественной войной, был автором за границу переправлен, и его тут же взяли на вооружение «наши идейные противники».

А сколько было таких, которые, когда моя проза еще печаталась в СССР, подходили ко мне «пожать вашу мужественную руку», а через некоторое время поливали меня на собраниях и кричали, что я написал «Чонкина» по заданию ЦРУ. А потом опять меня отлавливали, калялись, просили их понять, «войти в их положение»... И это ведь брежневские времена, не сталинские... Цирк такой! Как дети, честное слово! У одного моего такого «поклонника», когда он произносил свой зубодробительный публичный монолог, вдруг стала дико дрожать коленка, попадали на пол бумаги, которые он никак не мог поднять. Весь дрожит, бедный. Окончилось заседание, он меня, топоча, догоняет в коридоре и сразу: «Вы меня простите, Владимир Николаевич, ради бога, но я не мог иначе, у меня семья...» Я ему ответил: «Знаете что, если вы не можете быть подлецом, то и не старайтесь им быть. Вы для этого слишком нервный, понимаете? Не дай бог, помрете еще от инсульта или инфаркта».

Прямо скажем, что гуманизма и христианского смирения мало в этом ответе. Вот я и говорю, что многие до сих пор считают Войновича неприятной, неудобной, а то и ПЛОХО ВОСПИТАННОЙ персоной. В самом деле, все порядочные люди уже давным-давно забыли, как «ЗА» были, лишь один он что-то такое неприятное все время вспоминает: как его травили в прямом и переносном смысле, круглосуточно пасли квартиру, извели родителей, лишили родины, как высокомерно учили жить даже тогда, когда он оказался за границей... Странный он какой-то, правда?

– Ну а самой светлой личностью минувшего века был, на мой взгляд, польский педагог, писатель и врач Януш Корчак, который отказался покинуть обреченных еврейских детей и вместе с ними принял смерть в газовой камере фашистского концлагеря Трешлинка.

А если из наших, то, конечно же, академик Андрей Дмитриевич Сахаров. Я с ним довольно много общался, наблюдал его в самых разных ситуациях и могу сказать, что, кроме всего прочего, человек он был чуть-чуть не от мира сего, очень трогательный, иногда даже наивный.

Еще? Несгибаемый Петр Григорьевич Григоренко, советский генерал-майор, который был помещен в психушку, лишился всех званий, наград, но твердо стоял на своем, требовал – это в те-то годы! – честных выборов, контроля народа над властями, сменяемости всех должностных лиц страны, включая высших.

Физик Юрий Орлов, отсидевший нечеловеческий срок и высланный из СССР в обмен на советского шпиона.

Валентин Турчин, тоже диссидент, тоже физик, математик, философ, публицист, кибернетик, создавший один из старейших функциональных языков программирования РЕФАЛ. У нас в стране много было светлых людей во все, казалось бы, безнадежные времена. В том числе и так называемых ПРОСТЫХ.

Вот еще история, похожая на сказку. Где-то году в семьдесят восьмом мы с женой Ирой и дочкой Олей ехали с юга на машине, и у меня полетела задняя ось на «Жигулях». Это и сейчас малоприятно, сломаться по дороге, а тогда это было все, крах, при вечном дефиците всего – и запчастей, и станций техобслуживания.

Встал я посередине Курска, и вдруг первый же встречный таксист меня взял да выручил. Достал где-то эту самую полуось, поменял мне ее в своем домашнем гараже, а когда я спросил, сколько ему должен за работу, ответил: «Яблочко хотите? А за работу вы мне ничего не должны, для меня это удовольствие...» Как писателя он меня, разумеется, не знал, просто вот человек такой, да. На всю жизнь его запомнил – мой тезка, Володька, адрес: город Курск, Лысая гора, дом 1.

Владимир Войнович когда-то написал:

«Брежневские времена отличались от сталинских тем, что борьба шла в определенных рамках: хватали, судили, сажали не без разбору, а только не соблюдавших основное правило поведения, которое на полублатном языке формулировалось так: сиди и не петюкай. Писатели это правило очень усвоили и не петюкали, сами себе внушая, что это непетюканье объясняется их несуетным обитанием в мире высших замыслов и сложных вымыслов, а если в сферах более приземленных кого-то сажают, казнят или чего-то еще, то, видимо, эти люди сами на то напросились, по каким-то мазохистским и саморекламным причинам желая быть в числе сажаемых и казнимых».

Я ж, Евг. Попов, в свою очередь, полагаю, что путинские времена отличаются от брежневских примерно так же, как брежневские от сталинских. Однако базис всех трех времен один и тот же – советская власть.

– Я думаю, что советская власть как таковая в России кончилась, но советскими наши люди останутся еще надолго. Бесследно она пройти не могла. И просто кончиться не могла. Эта власть имеет постоянную тенденцию к возрождению и, объявляя себя антисоветской, по сути, продолжает оставаться советской. Антисоветская советская власть сейчас в более смешном виде, чем раньше... У того режима все же была какая-никакая идеология, ПРАВИЛА ИГРЫ, и это вынуждало граждан придерживаться единообразия во всех проявлениях человеческой деятельности, начиная от всеобщей подлости и заканчивая массовым энтузиазмом.

И ведь были же, действительно были тогда настоящие советские люди, которые всерьез воспринимали прокламации о том, что существовать нужно скромно, что член партии не должен переходить какие-то рамки. Моя жена Светлана рассказывала мне, что ее свекор, адмирал Анатолий Колесниченко, отец ее покойного мужа, жил в маленькой двухкомнатной квартире и когда приехал к сыну в Пахру на дачу, по нынешним меркам тоже весьма скромную, то очень рассердился: «Как тебе не стыдно пребывать в роскоши, когда в стране такие проблемы с жильем? Ноги моей здесь больше не будет...»

И хотя все, что творится сейчас, началось уже тогда, такие уникалы, как адмирал Колесниченко, имелись и при развратном «развитом социализме».

И тут я зачем-то вспомнил, как Войнович, немного пожив в Америке, рассказывал мне, как в Вашингтоне однажды разгоняли коммунистическую демонстрацию. И когда полицей-

ский двинул ее участника американской ментовской дубиной по башке, тот возопил: «За что вы меня бьете? Я же антикоммунист». На что полицейский ему резонно ответил: «I don't know what kind of communism you are».

– И в связи с этим адмиралом я думаю, что советская власть все же после смерти Сталина имела шанс, хотя и слабый, на построение «социализма с человеческим лицом». Но шанс этот, увы, был безнадежно упущен. Потому что Хрущев оказался ниже той задачи, которую он себе ставил, разоблачая «культ личности Сталина». И это неудивительно – он сам был замаран в репрессиях, да и все его соратники тоже были хороши.

Тут перед моими глазами отчего-то ярко возникла сцена из «Чонкина». Когда энкавэд-эшный капитан Миляга, полагая, что попал в плен к фашистам и является для них социально близким, с гордостью сообщает, пользуясь школьными уроками немецкого языка: «Их бин арбайтен ин русише гестапо». «Коммунистен стрелирт паф-паф?» – спрашивает его мнимый фашист, а на самом деле младший лейтенант Советской армии Букашев, вспомнивший те же самые уроки. «Стрелирт, стрелирт, – радуется Миляга. – Унд коммунистен, унд беспартийнен всех расстрелирт, паф-паф»...

Как ни странно, на роль «Сталин стрелирт» сразу же после 1953 года вполне мог бы подойти тогдашний начальник «русише гестапо» товарищ Берия. Это ведь он ратовал за объединение Германии, поговаривал о том, что неплохо бы колхозы распустить. Но его быстро шлепнули, объявив английским шпионом. Хрущев, Брежнев, Горбачев, Ельцин на танке, «неокрепшая демократия», подарок Бориса Николаевича всему постсоветскому народу под новый, 2000 год, нынешнее безумие с принятием законов, нарушающих Конституцию, которую ПОКА ЕЩЕ никто не отменил. Ну и по мелочам. Экс-министр обороны, застигнутый в домашних тапочках у своей «подчиненной», которую обвиняют в том, что она сперла у вставшей с колен России 3 миллиарда рублей. Действующий министр, публично уличенный в плагиате. Менты, они же теперь – полиция, которые что ни день дают по пьянке прохожих, отделиваясь за это условными сроками. Стрельба. Пальба...

– Похоже, что мир окончательно погружается в хаос. Никогда не было столько маньяков, канибалов, извращенцев. Отчего это – не мне судить. Может, сказывается нервная жизнь и ставшая уже привычной эта потребительская гонка, желание занять место под солнцем любым способом? Россия с превеликим удовольствием в эту гонку включилась. Массовых расстрелов людей в школах и магазинах раньше тоже не было в Америке, хотя на том же Диком Западе американцы были вооружены все и всегда.

Может, как ни странно, более или менее благополучная жизнь сводит людей с ума? Раньше люди в основной своей массе вкалывали, и тяжело вкалывали, с утра до ночи, не имея времени на лишние эмоции и рассуждения о высоких материях. Сейчас же он сыт, делать ему нечего, и он думает, а может, смысла жизни вообще нет? Может, и вообще не следует жить, но только об этом никто пока не догадывается? Пойду-ка я сколько могу людишек ухлопаю, чтобы избавить их от такого ненужного бремени, как жизнь.

И еще – желание убийства, очевидно, во многих людях сидит подспудно.

Так бы он пошел на войну и убивал врагов, но войны, любой войны – белых с красными, большевиков с фашистами, крестьян с отрядами ГПУ – давно уже нет, и жаждущему безумцу приходится убивать своих.

И вообще практика множества хороших прежних идей становится извращенной. Вроде бы декларируют эти идеи люди вполне образованные, с культурным багажом, а присмотришься – сумасшедшие. В Америке уже даме руку нельзя предложить, когда она из автобуса выходит. Политкорректность!

Да, мир сошел с ума. И все же я вынужден повторить слова одного известного всей стране человека, четыре года отбывавшего в Кремле, Дмитрия Медведева: «СВОБОДА ЛУЧШЕ, ЧЕМ НЕСВОБОДА».

Народ уважает писателя Войновича еще и за то, что он угадал в своем романе «МОСКВА-2042» огромное количество реалий и персон нынешнего времени, включая прогрессивного казэбэинника, который теперь правит страной, и отца Звездония, повенчавшего власть с православием. Кем бы мог стать писатель Войнович, если бы не было советской власти? Или если бы партийные идиоты не прицепились к нему сначала за письма в защиту гонимых, а потом ассимилировали бы и «Чонкина», назвав эту книгу, например, «здоровой сатирой в рамках борьбы со все еще имеющимися, к сожалению, отдельными недостатками».

– Думаю, что, если бы не было советской власти, я получил бы нормальное гуманитарное образование и стал бы университетским профессором, литературоведом или учителем. Но так в моей жизни вышло, что в школе я почти не учился, со второго курса пединститута ушел. Практически единственное мое образование – это чтение книг. Пришлось заняться писательством...

– Шутка?

– Нет, я говорю вполне серьезно, это не попытка сострить, а буквальное изложение моей писательской биографии. Дело в том, если уж на то пошло, я и писать-то не очень любил. Даже письма. На меня вот мама обижалась, что я ей редко пишу, и не только мама. Я переписывался с Виктором Платоновичем Некрасовым, к которому относился с большим почтением, но тем не менее и ему не всегда отвечал.

И когда я начал писать прозу, то быстро понял, что делаю это ужасно. Но уперся и сказал себе – буду тренироваться, одолею препятствие тренировками. Так вот и писал, писал, писал, пока что-то не забрезжило...

Однако «графоманство» мной постепенно овладело, и я с годами РАЗОГНАЛСЯ. Это примерно как когда бегаешь по утрам трусцой. Первые десять минут и скучно тебе, и противно, и хочется вернуться домой, бросить все к чертовой матери. А потомходишь в раж и бежишь, бежишь.

И судьба моя меня вполне устраивает – какая есть, такая и есть. Но если бы все опять повторилось, я, пожалуй, постарался бы вести себя немножко подипломатичнее.

Я по молодости лет поставил себе неправильную задачу – говорить только правду, только то, что я думаю. И вот меня вызывают в какой-нибудь кабинет, и я очередному высокому начальнику в глаза говорю всякие с его точки зрения гадости, за которые он мне потом, естественно, мстит. Сильно, сильно я настраивал против себя начальников, а это не всегда и не обязательно нужно было делать. Может, из-за того, что вел я себя слишком прямолинейно, я и не дописал, например, вовремя «Чонкина». И добился того, что меня, несмотря на мой веселый нрав, считали ОТЪЯВЛЕННЫМ ВРАЖИНОЙ и врагом № 1 после высылки Солженицына на Запад.

Так что если бы все опять повторилось сначала, то я постарался бы остаться тем, кто я есть, но где-то какие-то углы все же обходил бы...

Хотя все равно никаких принципиальных уступок им не сделал бы. Были ведь какие-то краеугольные моменты, когда посадили, например, Синявского и Даниэля. Тут уж молчать нельзя было ни в каком случае.

Владимиру Войновичу восемьдесят лет, но выглядит он так, как мечтал бы выглядеть любой мужик, если бы ему удалось дожить до этих лет. Работает, гуляет, пишет, водит машину.

Пережив в детстве жуткий, нечеловеческий голод.

Известность.

Славу.

Опалу.

Сумев, практически в одиночку, многие годы противостоять тоталитарному Молоху.

Потеряв близких.

Оказавшись в вынужденной эмиграции.

Вернувшись в страну, где опять что-то неладно, очень неладно.

Он продолжает оставаться самим собой.

– Только дожив до преклонного возраста, начинаешь понимать, что жизнь действительно коротка. Еще совсем недавно мне казалось, что впереди еще очень и очень многое. Но следует честно признать – я не уложился со своими жизненными планами в этот возраст. Пишу очень медленно, ужасно медленно, и у меня много осталось недоделанного, недописанного, того, что я не успею закончить уже никогда.

А ведь я работаю очень много, с утра пишу и до позднего вечера. Бесконечно правлю тексты. Или пишу, а потом выбрасываю. Недавно, например, уничтожил около трех тысяч стихотворений, написанных в разные годы, ненапечатанных, показавшихся мне ненужными⁶.

Не дописал. Бросил. Потерял. «Чонкина» в результате писал почти пятьдесят лет. Начи-
нал. Останавливался. Снова продолжал. «Монументальную пропаганду» сочинял тридцать лет, растягивая эту работу до бесконечности.

Нет, не уложился я, не уложился в свои годы. Медленно, медленно я работаю... Вот, допустим, начну я сейчас писать «Ранним утром 2013 года ко мне в Пахру приехал от журнала «Сноб» Женя Попов»... Нет, тут же заменю «приехал» на «прикатил». «Сегодня ко мне в Пахру прикатил Женя Попов... на своей “Тойоте”»

Е.П.: «Рено Сандеро».

В.В.: Нет, не так!.. «Звонок в дверь, и на пороге, ко всеобщему удивлению, появляется Женя Попов, сопровождаемый бородатым сыном Василием»...

Е.П.: И последний вопрос, Володя, кого тебе в этом мире жалко?

В.В.: Всех.

2013

⁶ Даже этот поступок писателя свидетельствует о том, что русская литература – великая, и творцы ее – достойнейшие люди, что бы кто о них ни говорил, и что бы они сами о коллегах ни говорили. Россия была, есть и навсегда останется литературоцентричной страной, где писателя всегда будут подспудно уважать, даже если он лежит в канаве или сидит в Кремле.

Рене Гerra
Я хотел воссоздать свою Россию

Боже мой, как бежит время! Страшно сказать, но я дружу с Рене Герра уже более четверти века, познакомившись с ним, когда советская власть в лице М. С. Горбачева объявила перестройку, меня восстановили в Союзе писателей СССР и даже отпустили погулять за границу – в Германию и Францию. Причем я был уверен, что еду туда не только в первый, но и в последний раз. Мы-то, советские туземцы, хорошо знали, чем заканчивается любая попытка преобразовать харю коммунизма в «социализм с человеческим лицом», а именно это и декларировали тогда «ПРОРАБЫ ПЕРЕСТРОЙКИ», большей частью отпрыски «комиссаров в пыльных шлемах», сгинувших на «этапах большого пути» или доживающих свой век на казенных подмосковных дачах, которые по сравнению с нынешними новорусскими дворцами выглядят бедными хижинами. В каком-то парижском кафе познакомил нас тогдашний отщепенец-эмигрант, а ныне видная литературная и общественно-политическая персона РФ поэт Юрий Кублановский. Вышло почти по Василию Розанову. Мы, сверстники, 1946 года рождения, как глянули друг на друга «острым глазком», так и подружались на всю, получается, жизнь.

ЕВГЕНИЙ ПОПОВ: Рене, в кругах российской художественной интеллигенции ты, пожалуй, один из самых популярных персонажей, хотя есть люди, которые, мягко говоря, относятся к тебе НЕОДНОЗНАЧНО. Из-за того, что ты безукоризненно, практически без акцента говоришь по-русски, про тебя даже пустили слух, что ты вовсе не француз, а русский по фамилии Герасимов. Один человек серьезно уверял меня, что ты незаконнорожденный сын русской графини из Ниццы. Скажи, пожалуйста, дорогой доктор филологии, почему сферой твоих интересов стало искусство именно России, а не (по алфавиту) Австралии, Австрии, Азербайджана, Албании, Алжира и так далее.

РЕНЕ ГЕРРА: То, что есть такие байки и легенды, мне приятно и лестно. Я уже сорок лет профессионально занимаюсь русской культурой, а первая моя встреча с Россией произошла на юге Франции, на Лазурном берегу, откуда я родом. Я совершенно случайно, еще подростком, встретился в Каннах с русскими так называемыми белоэмигрантами. Заинтересовался их судьбой и творчеством. Меня интриговало, как можно творить в отрыве от родины. Далеко не все из них являлись аристократами, но это были одаренные люди, как это часто случается с русскими. Эмиграция, с одной стороны, стала для них трагедией, с другой – удачей, спасеньем, шансом выжить и реализовать себя. В двенадцать лет я познакомился с поэтом Екатериной Леонидовной Таубер и со временем, можно сказать, стал ее духовным сыном, отсюда, наверное, и легенда, что я отпрыск графини. Хотя мои родители – чистокровные французы, преподавали немецкий и математику, прадед был мелкий французский буржуа. А сама Екатерина Леонидовна, по мужу Старова, являлась дочкой доцента Харьковского университета, о ее стихах писали Ходасевич, Бунин, Адамович. Много лет спустя я даже издал два ее сборника. На юге Франции вообще русских было очень много. Я встречался с Сергеем Ивановичем Мамонтовым, из ТЕХ Мамонтовых. Он родился в России, учился в Берлине на архитектора, после войны уехал в какую-то африканскую страну, обустроил там имение и числился крепостником, пока его не выгнали и оттуда, когда Африка обрела независимость. Он читал мне отрывки из своей будущей книги мемуаров прямо на пляже в Каннах в начале 60-х. Такой сухой старик с прямой спиной и злой иронией. Он, например, мог сказать дочке белого генерала: «Да ваш папаша в носу ковырялся, когда мы с большевиками воевали!» Эта книга описывала Гражданскую войну глазами простого офицера. Мемуары получили одобрение Солженицына и вышли в парижском издательстве ИМКА-ПРЕСС, сейчас книга переиздана в России.

А в те годы практически НИКТО на Западе, особенно во Франции, русскими эмигрантами не интересовался. Это сейчас стало модным, за последние 10–15 лет, а тогда кому нужно было в Париже творчество Юрия Анненкова, Константина Сомова или даже Александра

Бенуа? Кто знал о «миriskусниках»? О них как-то даже НЕ ПОЛАГАЛОСЬ писать и вспоминать. По-настоящему востребованы они не были. Когда я приехал в Париж в 1963 году, чтобы стать студентом Сорбонны, я хотел скорее познакомиться с русскими художниками, пока они еще живы. И я был практически единственным из французских студентов-славистов, который нарушил негласное табу и общался с эмигрантами. Такие встречи не рекомендовались, более того, были противопоказаны тем, кто строил академическую карьеру. Эмигранты для многих интеллектуалов были люди прошлые, отработанные люди. А я считал, что у них было гениальное прошлое и, несомненно, есть будущее. Юрий Анненков был первым художником, проиллюстрировавшим «Двенадцать» Блока, портретистом, увековечившим литераторов – Ахматову, Пастернака, Ремизова, Шкловского – и политиков – Ленина, Луначарского, Радека, Зиновьева, Каменева. Он – целая эпоха, и вдруг выясняется, что с ним можно общаться просто так, придя с улицы. Потому что никто им не интересовался. Не то что забыли, но это БЫЛО НЕАКТУАЛЬНО. И я встретился. Но не с Советским Союзом, а с Россией. Я общался с Георгием Адамовичем, Борисом Зайцевым, Владимиром Вейдле и прослыл в Сорбонне белой вороной. Считалось, что я дурак и сам себя компрометирую. Зачем он это делает, когда ему уже неоднократно намекали, что НЕ НУЖНО, советские товарищи могут обидеться?

Е.П.: В самом начале 80-х в Москву приехала одна американская писательница и назначила встречу на квартире мне, Фазилю Искандеру и покойному Льву Копелеву. Мы выпивали, болтали о всякой литературной всячине, но, когда уходили, она попросила нас: «Пожалуйста, не говорите о нашей встрече корреспондентам, это может мне повредить». Я тогда, помню, сильно был поражен: ладно уж мы тут сидим под советской властью, как мышь под веником, но слышать такое от гражданки СВОБОДНОЙ СТРАНЫ! А твоя коллега-француженка, преподавательница русского языка, на мой вопрос, изучают ли в их колледже Солженицына, испуганно замахала руками – что вы, нас могут объявить антисоветским центром, и тогда никому визу в СССР не дадут.

Р.Г.: Все очень знакомо... (*Пауза.*) Что очень важно, я получил русский язык еще в детстве, до переходного возраста. Поэтому когда я поступил в Сорбонну, то уже вполне свободно говорил, читал и писал по-русски. Кстати, насчет «Герасимова» – эта легенда ведет свое происхождение еще из тех времен. Тогда русский преподавали как мертвый язык, а я говорил на живом, современном. Нужно же было другим, в том числе и профессорам, оправдаться, почему у них такой плохой русский! Еще говорили, что я не только русский, но и советский, засланный... Чушь собачья! Меня потом, в 1969-м, когда я был аспирантом-стажером, даже выперли из Москвы как «идеологического диверсанта», чтобы не смущал честные души советских людей «белогвардейскими» разговорчиками...

Е.П.: И вот ты приехал в Париж, погрузился в университетскую и эмигрантскую среду. У тебя сразу же возникла мысль о коллекционировании? Вернее, собирательстве, я знаю, что ты не любишь слово «коллекционер»... Или это случилось незаметно, само собой...

Р.Г.: Когда мне было лет пятнадцать, я стал собирать открытки – виды России. Я хотел воссоздать свою Россию, Россию моих старших друзей. Потом я стал искать книги, изданные по-русски за границей крошечным количеством экземпляров. Меня изумляло – люди уехали из страны, которой больше нет, по крайней мере для них, а продолжают писать, печатать как ни в чем не бывало неизвестно для кого. Для будущей, что ли, России, освобожденной от коммунизма? Но тогда многим казалось, что коммунизм у вас будет вечно, ВСЕГДА, и нынешние перемены тогда были просто непредставимы. Или для других эмигрантов? Так и там просвещенных читателей было не так уж много. Когда ты целый день вкалываешь на заводах «Рено» или крутишь шоферскую баранку, вечером тебе, скорей всего, не до чтения. Их книги в Россию ввозить было запрещено, эти книги сами себя выдавали, хотя бы старой орфографией,

отмененной в Советском Союзе. Эти люди жили вне времени и вне пространства. То есть они шли ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ. Ведь тем временем в СССР создавалась новая культура, важно имевшая себя то пролетарской, то соцреалистической. В большей своей части, за редкими исключениями, она была чужда им и, соответственно, мне. И это было удивительное чувство: можно было купить замечательную книгу и на следующий день пойти к автору, чтобы он ее надписал. Я со многими тогда познакомился, был бы жив тогда Бунин, я бы, наверное, и к нему сходил... В СССР это было бы невозможно – кто я такой, чтобы лезть к столь важным персонам, как кто-нибудь из ваших советских классиков? Я стал собирать русскую эмигрантскую книгу и периодику, мне это было доступно. У меня есть книги и журналы, изданные на русском языке в Шанхае, Харбине, Белграде, Праге, Риге, не говоря уже о Париже. Нехорошо говорить о собственных заслугах, но что есть, то есть: еще сорок лет назад я понял ЦЕННОСТЬ всего этого. Понял, что рано или поздно эта ваша великая и чудовищная страна, Советская Россия, заинтересуется судьбой и творчеством своих изгнанников. Я был в этом убежден еще ТОГДА, что могут подтвердить мои студенты, которым я с 1975 года читаю лекции по русской эмигрантской литературе. Еще тогда я понял, что общаться с живым классиком Борисом Зайцевым, которого благословил на литературный путь Антон Павлович Чехов и чьим литературным крестным отцом был Леонид Андреев, это – уникальная, немыслимая возможность. Мне, сопляку, маленькому студенту Сорбонны, он позволял сидеть у него часами... А какой у него был русский язык!.. Меня с детства умилял ИХ русский язык, эмигрантов первой волны... Кроме Зайцева, Адамовича, Вейдле, Анненкова, я хорошо знал Сергея Шаршуна, ставшего знаменитым художником, встречался с Ириной Одоевцевой и так далее. Всех долго перечислять. Я счастлив, что захватил конец блистательного русского Парижа. Это ведь моя формула, которую теперь часто повторяют: русский Серебряный век начался на берегах Невы, а закончился на берегах Сены. Петербург, конечно же, преобладал в Париже, хотя и Москва была весьма достойно представлена. Все это было у нас под рукой. И, спрашивается, почему их НИКОГДА не приглашали выступить... ну, хотя бы перед студентами Сорбонны? Они были готовы сделать это бесплатно, возникла бы преемственность, они бы могли передать эстафету новому поколению... Нет! Их игнорировали, чтобы не сказать «презирали». Это – грустно и чревато дурными последствиями. Потому что их архивы большей частью либо погибли, либо уплыли в Америку, что, может быть, кстати, и к лучшему в смысле сохранности. Когда, извини, Павел Милюков, лидер кадетской партии, знаменитый историк, предложил свой архив Славянскому институту Парижского университета, этот архив принять отказались. Побоялись принять! Внушительная племянница Ивана Сергеевича Шмелева хотела отдать его архив Сорбонне, отказалась и Сорбонна. Зачем-де нам этот фашист! Теперь его уникальные бумаги переданы Российскому фонду культуры... Таких примеров – множество, о чем я и написал в своих мемуарах, которые скоро будут опубликованы и, как ты понимаешь, не всем придутся по вкусу. Я не квасной французский патриот, но это – исторический факт, что Париж с середины двадцатых годов стал столицей всего русского зарубежья, его культуры, когда по многим причинам закончился берлинский период эмиграции. Я считал и продолжаю считать, что долг Франции – создать центр изучения этой культуры и соответствующий музей. Именно во Франции это было бы естественно. И для России, кстати, тоже неплохо, потому что служило бы общему делу. Вот мой подход... Я иногда горько острою, что в каком-то смысле мне повезло и я благодарен Октябрьской революции, ибо по ее воле смог общаться с такими выдающимися русскими людьми. А что касается СОБИРАТЕЛЬСТВА, то один из моих единомышленников как-то в шутку назвал меня парижским Иваном Калитой, собирателем земель Русских на чужбине. Сначала книги, потом, когда я стал преподавателем русского языка, то есть госслужащим с неплохой зарплатой, я стал покупать картины. Первое мое приобретение, я это точно помню, было в 1971-м, когда мне достались оригиналы иллюстраций Александра Бенуа, выполненные в 1927 году для книги Андре Моруа о Гете. Я купил эти работы у старого русского коллекционера Глеба

Владимировича Чижова. Это было началом моего собирательства, моего собрания, которое на 95 % состоит из работ русских художников-эмигрантов. Открытки, книги, картины. Плюс уникальные архивные материалы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.